

М. А. ЧВАНОВ

ЗАГАДКА
ШТУРМАНА
АЛЬБАНОВА

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ЗАГАДКА ШТУРМАНА АЛЬБАНОВА

М. А. ЧВАНОВ
**ЗАГАДКА
ШТУРМАНА
АЛЬБАНОВА**

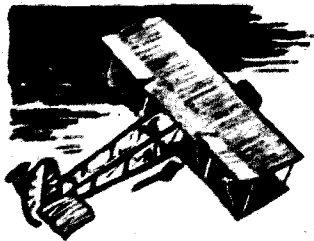
МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1981

**РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**Рецензент
канд. геогр. наук
А. В. Шумилов**

© Издательство «Мысль», 1981

Ч 20901-040
004(01)-81 — 152-81. 0604020107

СУДЬБА, ОСТАВШАЯСЯ ЗАГАДКОЙ

Уже давно меня волнует прекрасная и трагическая судьба этого человека, во многом так и оставшаяся загадкой. Как в какой-то степени осталась загадкой и его душа — мятежная и нестигаемая. Несомненно, основные вехи его жизни мы можем проставить, они суровы и мужественны. Но если мы будем верить только им, то не будем знать всей правды, ибо вехи могут обмануть нас: кто знаком с работой геодезистов в трудных горах, тот знает, каков истинный путь между двумя триангуляционными вехами-знаками на соседних вершинах. А в человеческой судьбе и душе еще сложнее и горше: между двух возвышенных и прекрасных по духовному накалу вех-взлетов кроме времени и тяжелой работы лежат усталость, отчаяние, разочарование, болезни, потери близких, мужество — и снова отчаяние, и снова соленая работа...

Но почему же так получилось, что судьба его, оставившая заметный след в истории освоения Арктики, сама во многом загадочна, несмотря на то что продолжает волновать сотни и тысячи людей и что время от времени снова и снова появляются публикации о нем, хотя опять-таки они проставляют только главные вехи судьбы, не открывая движений его души: слишком скудны биографические данные, оставшиеся нам.

Случилось же так потому, что в 1912 году, когда три русские экспедиции, полные самых светлых надежд, уходили в свое трагическое плавание, внимание было приковано в основном к их начальникам: Седову, Русанову и Брусилову, а Валериан Иванович Альбанов был всего первым помощником и штурманом на судне Брусилова, а когда, пройдя через белую смерть, он наконец вернулся на теплую землю, по ней всюду шастала с косою первая мировая война, и если в другое время он мог бы рассчитывать на пышную встречу, то теперь ему в первые дни даже не на что было купить кусок хлеба. И если в это время было какое-то внимание со стороны общественности к судьбе трех полярных экспедиций, то опять-таки в основном к судьбе канувших в неизвестность остальных членов экспедиции Брусилова, к судьбе без вести пропавшей экспедиции Русанова, и это, разумеется, было справедливо. А потом над Россией пронесся огонь революции, гражданской войны, и до него ли было, когда решалась судьба самой страны. Во время гражданской войны, не раз презревший смерть, он так нелепо погиб, унеся тайну с собой.

Но ведь оставались еще люди, знавшие, каждый в отдельности, хотя бы частицы этой тайны! Несомненно. С каждым годом их становилось все меньше. И все-таки хочется верить, что кто-то может приоткрыть завесу над этой тайной! Но где? Кого спросить? Возможно, что это вчерашние уфимские гимназисты, друзья юности, родственники, сослуживцы. Правда, оставался в живых и еще по-прежнему плавал в северных морях его верный друг — матрос Конрад, который знал больше чем кто-либо, но и после революции долгое время было не до трагических полярных экспедиций дореволюционных лет, а все мы смертны: Конрад умер в 1940 году, унеся с собой все, что знал.

Несколько раз я пытался браться за перо — не столько в надежде размотать этот загадочный узел, сколько просто поделиться с другими своими мыслями, но каждый раз чувствовал: мне еще многого не хватает, если не самого главного, без чего я не могу увидеть его

живым человеком. Не так давно я писал о геологе и поэте Г. Ф. Лунгерстаузене. Его я тоже никогда не видел, хотя, как и с Альбановым, ходил по одним улицам, тем не менее не только ясно представлял, каким он был в жизни, но и знал, как он поступит в каждом конкретном случае, словно не одну ночь коротал с ним у дымных таежных костров, словно не один раз катался по земле от его веселого и едкого юмора и бледнел от его сведенных в бешенстве глаз, когда он, очень добрый от природы, но вспыльчивый, приходил в ярость от чьей-нибудь нерадивости или лени. А тут этого не было.

И я снова, урывками между дорог, копался в старых книгах, журналах, архивах, встречался с краеведами; были редкие и счастливые находки, о которых я обязательно расскажу, но главной нити так и не мог нащупать. И я опять откладывал рассказ о нем до лучших времен.

Особенно много я думал о Валериане Ивановиче Альбанове в дни и недели вынужденного безделья в охотской тайге осенью 1975 года, когда вертолет, забросивший меня в верховья реки Охоты, на обратном пути, попав в заряд пурги, врзался в скалы в горном узле Сунтар-Хаята у перевала Рыжего, и я почти месяц кочевал с семьей эвенов-оленьеводов в каких-то трехстах километрах от Оймякона, известного как второй полюс холода на нашей планете. Ночью я просыпался от стужи, выбирался из рваной палатки наружу — в густо-черном небе низко стыли необыкновенно яркие и крупные звезды и так напряженно мерцали, что становилось не по себе, словно они пытались сказать что-то, — и, забравшись в палатку, я снова думал о нем, о том страшном пути, который он оставил позади, вернувшись на теплую землю, старался представить его в общении со своими спутниками, каким он был в детстве, какими мечтами и мыслями жил перед своей нелепой смертью.

Я много думал о нем и летом 1976 года, когда на вертолете полмесяца летал с геодезистами над Корякским нагорьем: каждое утро, когда мы поднимались в воздух, внизу под шумом винтов лежал путь — он и в наши дни невероятно труден: сплошные болота, кома-

рье, гнус, бесчисленные переброды студеной рек и речушек, туман, дождь, снег, — по которому после катастрофы в Великом океане шел к Анадырю — десять недель — великий землепроходец Семен Дежнев. Позднее он писал в челобитной:

«...и того Федота со мною, Семейкою, на море рознесло без вести, и носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анадырь реки равно десять недель и пали на Анадырь реку вниз блиско моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врознь разбрелись. И вверх по Анадыре пошло двенадцать человек, и ходили двадцать ден, людей и аргишниц, дорог иноземских, не видали и воротились назад, и, не дошед за три днища до стану, обначевались, почали в снегу ямы копать...» Я повторял про себя эти горькие строки и вспоминал об Альбанове, ведь он был с ними одного беспокойного племени.

И я очень жалел, когда неожиданный туман, а потом зарядивший на несколько дней дождь помешали нам долететь до поселка Уэлен на Чукотке на мысе Дежнева, недалеко от которого Г. Л. Брусилов, в бытность свою офицером Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, летом 1910 года возводил мореходный знак, который впоследствии на морских картах так и стал называться: «знак Брусилова». Сохранился ли он? Ничто так много не дает сердцу, может быть, чисто интуитивно — ни строка архива, ни старые книги, как самому притронуться к вещам, которые когда-то были освещены и освящены теплом человека, чью душу ты пытаешься понять.

Возвращался я с Чукотки через Петропавловск-Камчатский и Владивосток — по транссибирской железнодорожной магистрали — и ждал город Ачинск, а потом с сожалением узнал, что Ачинск будем проезжать глубо-

кой ночью. Но ночью неожиданно проснулся, когда поезд встал, хотя за эту ночь он вставал уже с десяток раз, — в глаза молча уперлась большая зеленая неоновая вывеска — «Ачинск». И я подумал, что, может быть, тут его — Валериана Ивановича Альбанова — могила. Ведь по некоторым сведениям, он погиб именно здесь.

Завернувшись в одеяло, я прижался лбом к холодному стеклу. Вот так же студеной ночью, может, и он смотрел в вагонное окно и не мог уснуть, куда-то торопился, а рядом неожиданно взорвался эшелон с боеприпасами...

Мимо поплыли темные деревья, овраги, по мыслям больно стукнул гулко и коротко пролетевший внизу мост, и я сказал себе: откладывать больше нельзя, как только приеду, сразу же за работу. Не то чтобы я теперь надеялся легко распутать этот сложный человеческий узел. Нет! Я торопился — жизнь такая штука, что всякое может случиться, — поделиться с кем-нибудь своим волнением, чтобы кто-то разделил со мной причастность к тому, кто давно ушел в небытие и в то же время своим возвышенным духом постоянно живет рядом с нами.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

В Уфе каждый год, чуть пройдет лед, на Белой начинается веселый мальчишеский праздник. Сотни лодок — весельных и моторных, деревянных и дюралевых — вдоль и поперек начинают бороздить ее воды. Кто положил начало этому празднику — трудно сказать.

Сколько мальчишек бороздило ее воды до нас? Как сложилась судьба каждого? На эти вопросы, видимо, уже не ответить. Ну кто, например, помнит, что в конце прошлого века в уфимской гимназии учился мальчишка Валериан Альбанов, после смерти отца воспитывавшийся у дяди. Кто помнит, что он, как, впрочем, и тысячи других мальчишек, мечтал о дальних морских странствиях. И что однажды, предварительно запасшись провиантом и раздобыв лодку, вместе с товарищем он отправился в кругосветное путешествие — вниз по Белой.

Товарищу порка пошла впрок, он и помышлять больше не смел о морских путешествиях. Валериан Альбанов же не собирался расставаться со своей мечтой. Дядя хотел сделать из племянника «порядочного человека» и настаивал, чтобы он стал инженером. Но «неблагодарный» племянник по окончании гимназии заявил, что поступит в мореходные классы и никуда больше. Тогда дядя, будучи инспектором народных училищ и потому справедливо считавший себя искушенным педагогом, прибегнул к последнему и, несомненно, действенному,

по его мнению, педагогическому средству — пригрозил племяннику отказать в средствах на обучение. Но племянника и это не остановило. В одну из ночей он скрылся из дома, поезд медленно простучал по мосту, внизу, в тусклом свете фонарей, прощально проплыла Белая, по которой несколько лет назад он столь неудачно попытался совершить кругосветное плавание, и поезд нырнул в ночь и в жутковатую неизвестность. Беглецу было шестнадцать лет.

— Вернется! — успокаивал домочадцев взбешенный дядя. — Куда денется, пошлется-пошлется без копейки в кармане и вернется.

Дни бежали за днями. Но племянник так и не вернулся.

Может быть, где-то в нюансах я погрешил: как это было в деталях, теперь уж, видимо, не выяснить, но все было именно так: дядя отказал Валериану Альбанову в средствах на существование, узнав, что тот вопреки его воле все-таки поступил в мореходные классы...

А в 1917 году дяде, если он еще был жив, может быть, показали изданную в приложении к «Запискам по гидрографии» книгу-дневник с несколько необычным названием: «На юг, к Земле Франца-Иосифа». Несмотря на горячее время, она вызвала у общественности большой интерес. В последующие годы под разными названиями она переиздавалась еще несколько раз. Вскоре книга была издана и за рубежом — на немецком и французском языках. Известный советский полярный исследователь, член-корреспондент Академии наук СССР профессор В. Ю. Визе, участник экспедиции Г. Я. Седова к полюсу, писал о ней:

«Эта книга по своему захватывающему драматизму и удивительной простоте и искренности принадлежит к числу выдающихся в русской литературе об Арктике. Однако не только этим произведением автор прославил свое имя. Ему мы обязаны сохранением научных результатов экспедиции Г. Л. Брусилова в виде судового журнала и таблиц метеорологических наблюдений и морских глубин. Несмотря на скромный объем этих материалов,

значение их для познания гидрометеорологического режима высоких широт, в особенности дрейфа льдов, оказалось очень большим. В частности, можно упомянуть, что на основании спасенного автором книги судового журнала было предсказано существование островов в северной части Карского моря».

Автора книги звали Валериан Иванович Альбанов.

Да, дядя, не зря от удивления и волнения вздрогнули ваши руки: это был ваш племянник, бывший уфимский гимназист Валериан Альбанов. Он все-таки добился своего, упрямый мальчишка, доставивший вам столько хлопот!..

Итак, мы уже знаем, что в 1912 году три русские экспедиции ушли в Арктику: выдающегося полярного исследователя и революционера геолога В. А. Русанова на шхуне «Геркулес» — на Шпицберген, с тайным намерением пройти потом вокруг северной оконечности Новой Земли в Карское море и пробиться впоследствии, если все будет благополучно, в Тихий океан, но не «дорогой Норденшельда» — вдоль берегов Сибири, а гораздо севернее: он считал, что там, в океане, вдали от студеных сибирских берегов, меньше льдов; старшего лейтенанта Г. Я. Седова — на шхуне «Св. великомученик Фока» к Северному полюсу и лейтенанта Г. Л. Брусилова — как и Русанова, тоже в Тихий океан, но только уже проторенным Норденшельдом путем вдоль северных берегов России.

Экспедиция Русанова — капитаном «Геркулеса» был отличный полярный мореход, участник похода Руала Амундсена к Южному полюсу и друг Русанова двадцатичетырехлетний А. С. Кучин, а в качестве врача на судне была невеста Русанова француженка Жюльетта Жан — пропала без вести. Первые следы ее — столб с надписью «Геркулес» — были обнаружены топографом Гусевым только в 1934 году на маленьком острове в архипелаге Мона. Около столба лежали старые нарты и цинковая крышка от патронного ящика. Теперь этот остров носит имя Геркулес. В том же году топограф Цыганюк на другом острове нашел фотоаппарат, около сотни патронов,

буссоль, обрывки одежды, мореходную книжку матроса с «Геркулеса» А. С. Чухчина, серебряные именные часы другого матроса — В. Г. Попова и справку на его имя. Эти вещи в отличие от находки Гусева уже свидетельствовали о трагедии.

Занавес неизвестности в какой-то степени приоткрылся лишь спустя еще сорок лет — учеными, сотрудниками отдела оружия Государственного исторического музея, сравнившими патроны Русанова, найденные в 1934 году, с патронами, обнаруженными в 1921 году около старого кострища Н. А. Бегичевым у полуострова Михайлова (Таймыр) и до сих пор считавшимися принадлежащими трагически погибшим матросам из экспедиции Руала Амундсена, которые шли с почтой в далекий Диксон (помимо патронов и гильз производства 1912 года здесь были металлические пуговицы с клеймом французской фирмы, французская монета в 25 сантимов). Судьба была жестока к ним. Кто-то из них, по одной версии — Кнутсен, но скорее Тессем, не дошел до Диксона всего две версты, оставив позади тысячу двести жесточайших километров, он, наверное, видел огни Диксона, но сил уже не было. По идентичности патронов ученые подтвердили вероятность стоянки русановцев на Таймыре на узкой высокой стрелке западнее полуострова Михайлова.

Вот уже несколько лет следы экспедиции Русанова ищет научно-спортивная экспедиция «Комсомольской правды».

Может быть, более благоприятной была судьба у «Св. Фоки»? Потеряв при неудачном походе к полюсу своего командира, он медленно полз вдоль безлюдных берегов Земли Франца-Иосифа. В топках давно сгорели последние килограммы угля, теперь жгли судовые переборки, а когда везло с охотой — медвежьи и моржовые туши. «Фока» пробивался к острову Нордбрук, чтобы там, на мысе Флора, разобрать на топливо оставленный двадцать лет назад дом английского полярного исследователя Джексона.

Вдруг на пустынном берегу увидели человека. Неска-

занно обрадовались: «За нами пришел пароход с углем!»

Вот как описывает эту встречу участник седовской экспедиции художник Н. В. Пинегин:

«Неожиданно среди камней на берегу я увидел нечто похожее на человека. В первую минуту решил, что мне почудилось. Невольным движением я отнял от глаз бинокль, чтобы, протерев стекла, посмотреть снова. В это мгновение на палубе кто-то крикнул: «Человек на берегу!»

Да, человек. Он движется. Кто это? Вся команда «Фоки» закричала «ура». Рулевой, держа одну руку на руле, выразительно поводит другой под носом и заметил: «Ну, вот теперь-то мы закурим».

Я продолжал смотреть в бинокль. Стоявший на берегу не похож был на человека, недавно явившегося из культурных стран. Скомандовав отдать якорь, я еще раз внимательно взгляделся в фигуру человека и запоздало ответил рулевому: «Подожди еще, сдастся мне, что тут хотят от нас табачком попользоваться».

Человек что-то делал у камней. Минуту после того, как мы отдали якорь, неизвестный столкнул на воду каяк, ловко сел и поплыл к «Фоке», широко взмахивая веслом. Каяк подошел к борту. Незнакомец что-то крикнул нам несильным и слегка сиплым голосом. Мы не расслышали этого возгласа, тем более что в этот же момент к самому каяку подплыл морж, которого мы отогнали выстрелом.

Спустили с борта штурм-трап. Человек поднялся по нему. Он был среднего роста, плотен. Бледное, усталое и слегка одутловатое лицо сильно заросло русой бородой. Одет в изрядно поношенный и выцветший морской китель.

— Альбанов, штурман парохода «Святая Анна» экспедиции Брусилова, — были первые слова незнакомца на борту «Фоки». — Я прошу у вас помощи, у меня осталось четыре человека на мысе Гранта...

Такова была наша встреча с Альбановым — одна из замечательнейших и неожиданных встреч за Полярным кругом».

Как это получилось? Каким образом штурман «Св. Анны», отправившейся на Дальний Восток, оказался на Земле Франца-Иосифа?

Но начнем с того дня, когда он, вчерашний гимназист, не простившись с мечтой о дальних морских путешествиях, покинул Уфу. Он смог добраться до Петербурга и поступил там в мореходные классы. Деньги на существование зарабатывал уроками и изготовлением моделей судов. После окончания классов в 1904 году плавал на Балтике. В 1905 году уже был помощником капитана — плавал на пароходе «Обь» по Енисею и Енисейскому заливу. В 1909—1911 годах на пароходе «Кильдин» ходил из Архангельска в порты Англии. В 1912 году лейтенант Брусилов предложил тридцатилетнему Альбанову, как одному из лучших северных штурманов дальнего плавания, стать штурманом на его экспедиционном судне «Св. Анна». Альбанов с удовольствием принял это предложение.

БЕЛЫЕ ПАРУСА НАДЕЖДЫ

Георгий Львович Брусилов был на три года моложе Альбанова. Он был потомственным моряком: родился в Николаеве в семье морского офицера 19 мая 1884 года. В самый разгар русско-японской войны кончил Морской кадетский корпус. Сразу же получил направление на Дальний Восток. Принимал участие в военных морских операциях сначала на миноносце, затем на крейсере «Богатырь» (его отец командовал крейсером «Громобой»). Позже на этом же крейсере участвовал в большом заграничном плавании. В 1906—1909 годах служил вахтенным начальником в отряде миноносцев, осваивающих трудное плавание в финляндских шхерах. Военная служба его не удовлетворяла, он рвался на Север. В 1910 году ему удалось перевестись на службу в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана, в которой служил на ледокольном судне «Вайгач». По свидетельству бессменного врача экспедиции (1910—1915 гг.) Л. М. Старокадомского, именем которого назван один из островов Северной Земли, Брусилов был жизнерадостным, энергичным, смелым, предприимчивым и хорошо знающим морское дело офицером, но не обладал значительным полярным мореходным опытом.

Во время исследования побережья Чукотки, куда ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач» пришли

через Атлантический, Индийский и Тихий океаны, у Брусилова, видимо, и укрепилась мысль пройти на Чукотку, а потом во Владивосток не вокруг Европы и через Суэцкий канал, а более коротким морским путем — северным. Плавания Семена Дежнева и других отважных русских мореходов прошлого были полузабыты, поэтому долгое время чуть ли не считалось, что первым обогнул северную и восточную оконечности Азиатского материка в 1878—1879 годах шведский мореплаватель Норденшельд, частично субсидированный русским торговопромышленником Сибиряковым.

Георгию Львовичу удалось заинтересовать своими планами дядю, богатого московского землевладельца Б. А. Брусилова. (Другим его дядей был А. А. Брусилов — выдающийся военный деятель, командовавший последовательно армией, фронтом и всеми вооруженными силами России, с именем которого связаны важнейшие успехи русской армии в первой мировой войне, в том числе замечательное по своему замыслу и построению наступление Юго-Западного фронта в 1916 году, которое вошло в историю под названием брусиловского прорыва. После революции знания и опыт талантливого полководца Алексей Алексеевич отдал своему народу, работая в должностях председателя Особого совещания при Главнокомандующем и инспектора кавалерии РККА.) И, добившись двадцатидвухмесячного отпуска на службе, в надежде осуществить за это время свой план, Георгий Львович покупает в Англии старую, построенную в 1867 году, но еще прочную и надежную шхуну водоизмещением в 231 тонну и называет ее «Св. Анной». По пути на восток он планирует изучать арктические и дальневосточные моря в промысловом отношении, в то же время зверобойный промысел окупит часть расходов.

28 июля (10 августа) 1912 года «Св. Анна» вышла из Петербурга и, обогнув Скандинавию, зашла в Александровск-на-Мурмане (ныне — г. Полярный), чтобы окончательно загрузиться углем, водой, продовольствием, снаряжением и забрать последних членов экипажа.

28 августа (10 сентября) она покинула Екатерининскую гавань и взяла курс на Югорский Шар — своеобразные ворота в Карское море. Здесь, ожидая, когда разойдутся льды, стояли торговые и всевозможные экспедиционные суда. Их экипажи и были последними, кто видел окрашенную в белый цвет «Св. Анну», смело ушедшую под белыми парусами в Карское море навстречу льдам.

Белые паруса «Св. Анны». Белые паруса надежды.

Надо сказать, что в 1912 году состояние льдов в Карском море было особенно тяжелым. Судам Гидрографической экспедиции, как и всем другим, пытавшимся проникнуть в Карское море, до конца навигации так и не удалось пройти дальше Югорского Шара. Впрочем, этот год в ледовом отношении был тяжелым не только для Карского моря. По данным Датского метеорологического института, составляющего ежегодные сводки ледовой обстановки, в 1912 году состояние льдов в Баренцевом море было наиболее тяжелым за последние двадцать лет. Ни одно из норвежских промысловых судов не могло войти для промысла в Карское море.

Но обо всем этом мы, к сожалению, знаем только задним числом, а тогда три русские полярные экспедиции, полные самых светлых надежд, смело уходили в плавание. Впрочем, если кто из участников их и догадывался об этом, разве возможно было остановиться: ведь если откладывать экспедицию, то не меньше чем на год, а это после долгих-то лет подготовки, волнения, тревог, недопонимания. Да и будет ли ледовая обстановка в будущем году лучше нынешней?

И три полярные экспедиции, недостаточно оснащенные, на мало приспособленных для тяжелых ледовых плаваний судах — это потом поставят им в вину (а возможно ли хорошо оснастить серьезную полярную экспедицию на частные пожертвования?), назовут их поступки необдуманными (в какой-то степени оно так и было): конечно, зачем рисковать, пусть ради будущего науки, пусть ради будущего страны, когда можно спокойно сидеть дома на теплой печи и небрежно судить о поступках смельчаков, которые уже никогда не смогут

тебе возразить, — но зато состоящие из людей с самыми смелыми, беспокойными, честными и пламенными сердцами, уходили в белую холодную неизвестность.

Ради справедливости нужно сказать, что «Св. Анна» была оснащена гораздо лучше двух других экспедиций, не говоря уже о том, что судно строилось специально для ледовых плаваний. Прежде чем стать «Св. Анной», оно именовалось «Бланкатрой» и «Пандорой II». Несмотря на то что она не раз трудилась во льдах и была уже «в летах», «Св. Анна» не выглядела старой. «Корабль прекрасно приспособлен для сопротивления давлению льдов и в случае последней крайности может быть выброшен на поверхность льда», — писала газета «Новое время». «Шхуна производит весьма благоприятное впечатление в смысле основательности всех деталей конструкции корпуса. Материал первоклассный. Обшивка тройная, дубовая. Подводная часть обтянута листовой медью», — уточнял более компетентный в этих вопросах журнал «Русское пароходство». На судне был полуторагодовой запас продовольствия, хотя Брусилов надеялся дойти до Владивостока всего за несколько месяцев. Поэтому на корабле не вызвал особенных тревог факт, что к октябрю 1912 года «Св. Анна» с трудом пробилась лишь до Ямала и там, в восьми милях от берега, была зажата льдами, а вскоре и совсем вмерзла в них...

Невдалеке виднелся берег, решили построить на нем избу для зимовки, уже начали собирать плавник на топливо, но вскоре выяснилось, что лед, в который вмерзла «Св. Анна», не стоит неподвижно, а вдоль западных берегов Ямала движется на север.

Поначалу этому опять-таки не придали серьезного значения: по опыту пароходов «Варна» (шедшего в 1882 году на остров Диксон с голландской экспедицией) и «Димфна» (с датской экспедицией пробивающегося на мыс Челюскин; летом следующего года «Варна» была раздавлена льдами, ее экипаж переправился по льду на Новую Землю, «Димфне» удалось выбраться из льдов самостоятельно) считали, что эти ледовые подвижки под действием ветров носят чисто местный характер.

На судне царила спокойная, добрая атмосфера. По вечерам собирались в уютной кают-компаний. «Хорошие у нас у всех были отношения, бодро и весело переносили мы наши неудачи, — писал позднее об этом времени в своих «Записках...» Валериан Иванович Альбанов. — Много хороших вечеров провели мы в нашем чистеньком еще в то время салоне, у топившегося камина, за самоваром, за игрой в домино. Керосину тогда еще было довольно, и наши лампы давали много света. Оживление не оставляло нашу компанию, сыпались шутки, слышались неумолкаемые разговоры, высказывались догадки, предположения, надежды. Лед южной части Карского моря не принимает участия в движении полярного пака, это общее мнение. Поносит нас немного взад-вперед в продолжение зимы, а придет лето, освободит нас, и мы пойдем в Енисей. Георгий Львович съездит в Красноярск, купит, что нам надо, привезет почту, мы погрузим уголь, приведем все в порядок и пойдем далее».

Душой этих вечеров и хозяйкой была единственная женщина на корабле — Ерминия Александровна Жданко, дочь генерала Александра Ефимовича Жданко, племянница знаменитого русского гидрографа Михаила Ефимовича Жданко, в ту пору начальника Гидрографической экспедиции Великого океана, годом позже он станет начальником Главного гидрографического управления. По некоторым сведениям, она была дальней родственницей Георгия Львовича Брусилова. Врач своевременно не прибыл в Екатерининскую гавань, где должны были подняться на борт последние члены экспедиции, или специально опоздал, испугавшись опасного путешествия, и она, незадолго до этого окончившая курсы сестер милосердия, приехав якобы только проводить судно в дальнее плавание, взошла на его борт в качестве врача.

«Ни одной минуты она не раскаивалась, что «увязалась», как мы говорили, с нами, — с большим уважением и теплотой писал позднее о ней Альбанов. — Когда мы шутили на эту тему, она сердилась не на шутку. При исполнении своих служебных обязанностей «хозяй-

ки» она первое время страшно конфузилась. Стоило кому-нибудь обратиться к ней с просьбой налить чаю, как она моментально краснела до корней волос, стесняясь, что не предложила сама. Если чаю нужно было Георгию Львовичу, то он предварительно некоторое время сидел страшно «надувшись», стараясь покраснеть, и, когда его лицо и даже глаза наливались кровью, тогда он очень застенчиво обращался: «Барышня, будьте добры, налейте мне стаканчик». Увидев его «застенчивую» физиономию, Ерминия Александровна сейчас же вспыхивала до слез, все смеялись, кричали «пожар» и бежали за водой».

У Г. Л. Брусилова даже родилась мысль поставить спектакль. Эта идея захватила всех, с энтузиазмом стали репетировать, готовили костюмы, гримерную устроили в бане.

Но с каждым днем «Св. Анну» все дальше и дальше уносило на север, экипаж все чаще стала посещать тревога.

Движение на север продолжалось не только в 1912-м, но и в 1913 году. Весной, когда все были уверены в освобождении из ледового плена, судно оказалось уже далеко за пределами Карского моря — в большом Полярном бассейне.

Зимовка была тяжелой. Каюты «Св. Анны» не были приспособлены к полярной зиме. Вся команда переболела тяжелой болезнью, скорее всего цингой. Особенно долго и тяжело — больше полугода — болел начальник экспедиции Г. Л. Брусилов. Но это было еще не самое страшное, весной все понемногу поправились. Надо отдать должное, это было прежде всего результатом самоотверженного и трогательного не столько лечения, сколько ухода за больными Е. А. Жданко. Страшное было в другом — экипаж судна больше уже не составлял единого целого. Тогда еще не было в обиходе такого научного понятия, как «психологическая несовместимость в условиях маленького коллектива, ограниченного в небольшом пространстве небольшого экспедиционного судна». Тогда еще не было кандидатских и доктор-

ских диссертаций на эту тему, и с этой проклятой несовместимостью, наделавшей столько бед в различных экспедициях, не знали, как бороться. А она-то и сделала свое черное дело: начались трения между участниками экспедиции, а что еще хуже — начались стычки между ее начальником и штурманом.

Летом 1913 года «Св. Анна» находилась уже в широтах северной части огромного пролива между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа. Направление дрейфа время от времени менялось на северо-западное, а то и на западное, вокруг виднелось много разводий, снова появилась надежда, снова вспомнили об австрийской экспедиции на судне «Тегеттгоф», открывшей в 1873 году в результате подобного дрейфа Землю Франца-Иосифа. (За три года ранее существование этой земли предсказал теоретически, на основании анализа дрейфа льдов в Полярном бассейне, выдающийся русский географ и революционер П. А. Кропоткин.) Но «Тегеттгоф», охваченный льдами у северо-западного берега Новой Земли, понесло к южным берегам Земли Франца-Иосифа, «Св. Анна» же, затертая у западных берегов Ямала, дрейфовала гораздо восточнее, а затем и севернее.

Может быть, летом 1913 года «Св. Анна» все-таки и выбралась бы из плена, не будь ледовое поле, в которое она вмерзла, таким большим и прочным. Имейся на корабле хоть какое-то количество достаточно сильной взрывчатки, может быть, и в этом случае освободились бы из ледовой ловушки, но на «Св. Анне» был только черный порох, а он оказался непригодным для этих целей. Пытались прорубать канал до ближайшей полыньи, но расстояние до нее — около четырехсот метров — оказалось для небольшого экипажа слишком большим.

В августе надежда снова потухла, разводья стали затягиваться свежим льдом, пришлось готовиться к еще одной зимовке. И тут произошла новая стычка между Брусиловым и Альбановым, давно назревавшая, резкая

и жестокая, после которой они, кажется, больше уже ни разу не разговаривали спокойно, не считая тех последних дней, когда Альбанов собирался уходить с судна. Теперь нам до конца уже не выяснить причины этого тяжелого разлада, приведшего к тому, что Альбанов попросил Брусилова освободить его от обязанностей штурмана.

Мы знаем причины разлада только по объяснению Альбанова: «По выздоровлении лейтенанта Брусилова от его очень тяжелой и продолжительной болезни на судне сложился такой уклад судовой жизни и взаимных отношений всего состава экспедиции, который, по моему мнению, не мог быть ни на одном судне, а в особенности являлся опасным на судне, находящемся в тяжелом полярном плавании. Так как во взглядах на этот вопрос мы разошлись с начальником экспедиции лейтенантом Брусиловым, то я и просил его освободить меня от исполнения обязанностей штурмана, на что лейтенант Брусилов после некоторого размышления и согласился, за что я ему очень благодарен».

Несколько месяцев Альбанов жил на «Св. Анне», уединившись в своей каюте, в качестве пассажира.

В начале января 1914 года он обратился к Брусилову с просьбой дать ему материал для постройки саней и каяка: ему тяжело оставаться на судне ненужным пассажиром, и он уйдет по плавучим льдам к ближайшей суше — к Земле Франца-Иосифа. Решился на этот шаг он, видимо, после долгих раздумий, уйти в это время со «Св. Анны», да еще одному, — это ведь не сойти по трапу с прогулочной яхты в очередном порту.

Брусилов, как он писал в «Выписке из судового журнала», доставленной Альбановым в Главное гидрографическое управление, «понимая его (Альбанова) тяжелое положение на судне», разрешил ему покинуть корабль.

Экипаж «Св. Анны» переживал тяжелое время: будущее было тревожным, стычки между капитаном и штурманом, хотя оба и старались избегать друг друга, продолжались, с каждым днем все заметнее пустели кладовые и трюмы. Ближайшая земля все дальше уплывала на юго-

восток, а предстояла еще одна, и более тяжелая, зимовка, а может, и не одна.

Если в первую зиму везло с охотой (47 медведей и около 40 тюленей), то во вторую зимовку с охотой не везло, ее вообще не было, и особенно рассчитывать на это не приходилось. А даже в самом лучшем случае — если, подобно «Фраму», «Св. Анне» после долгого дрейфа суждено было освободиться из льдов, — ей предстояло дрейфовать еще двадцать — двадцать два месяца. Это, повторяю, в лучшем случае, но и на этот срок продовольствия было недостаточно. И все больше и больше людей склоняются к варианту Альбанова: хотя бы части экипажа нужно покидать судно, пока еще сравнительно недалеко Земля Франца-Иосифа, тогда оставшимся на судне хватит продовольствия протянуть до октября 1915 года, то есть до времени вероятного освобождения из льдов.

Брусилов, как он написал все в той же «Выписке из судового журнала», снова «пробовал разубедить их, говоря, что летом, если не будет надежды освободиться, мы можем покинуть судно на ботах, указывая на пример «Жаннетты», где им пришлось пройти гораздо большее расстояние на вельботах, чем это придется нам, и то они достигли земли благополучно».

Альбанов заявляет, что на последнее надеяться наивно, тем более что экипаж «Жаннетты» добрался до земли далеко не так благополучно, как утверждает капитан, да и нельзя брать себе в пример эту экспедицию, потому что она дрейфовала совсем в другой части Северного Ледовитого океана, с иной гидрометеорологической обстановкой, — и отношения между штурманом и капитаном обостряются еще больше, а Земля Франца-Иосифа тем временем все дальше уплывает назад.

Уже вышел керосин, для освещения пользовались жестяными баночками с тюленьим или медвежьим жиром, они больше коптили, чем светили. С потолков текло. В каютах, температура в которых редко поднималась до плюс четырех, всегда висел промозглый туман. Все были невероятно грязны. Пробовали варить мыло,

но неудачно — «насилу удалось соскоблить с физиономии эту замазку»».

И команда вновь просит прийти к себе капитана, и когда он пришел, то снова обратилась к нему с просьбой разрешить им тоже строить каяки по примеру штурмана, потому что на третью зиму не хватит провизии. Брусилов, поняв, что их не убедить, объявил, «что они могут готовиться и отправляться хоть все».

И действительно, сначала решают идти почти все, потом часть из них начинают одолевать сомнения, и они решают остаться с Брусиловым, потом почти все решают остаться и снова решают идти...

В конце концов на судне кроме Брусилова решают остаться сестра милосердия Жданко, боцман Потапов, старший машинист Фрейберг, гарпунеры Шленский и Денисов, два молодых матроса Мельбарт и Параприц, стюард Регальд и повар Калмыков. С Альбановым уходят матросы: два неразлучных друга Конрад и Шпаковский, Нильсен, Пономарев, Шахнин, Луняев, Архиереев, Анисимов, Баев, Смиренников, машинист Губанов, старший рулевой Максимов, кочегар Шабатура.

Как относится к этому капитан? Теперь он, кажется, уже рад, что все так сложилось. Вот что он записал в судовом журнале 4 февраля: «На судне остаются, кроме меня и Е. А. Жданко, оба гарпунера, боцман, старший машинист, стюард, повар, 2 молодых матроса (один из которых ученик мореходных классов). Это то количество, которое необходимо для управления судном и которое я смогу прокормить оставшейся провизией еще 1 год. Уходящие люди не представляются нужными на судне, так что теперь я очень рад, что обстоятельства так сложились».

Начинается подготовка к походу. Работа не прекращается и ночью: ведь с каждым днем до спасительной земли все больше миль. Самодельные нарты и каяки ненадежны, но что делать, никто не собирался попадать в эти широты. 15 апреля 1914 года Альбанов с тринадцатью спутниками начинает поход на юг. Вместо старика Анисимова с ним уходит Регальд. С собой Альбанов

забирает копию судового журнала, документы и письма оставшихся на судне. Особенно много и долго пишут — «с утра до вечера вот уже целую неделю» — Брусилов, Жданко и Шленский, и Альбанов боялся, что почта получится очень громоздкой, но, к его удивлению, она оказалась невелика.

Восемьдесят два процента провианта составляют сухари. А сколько времени продлится этот поход? Полгода? Год?

НА ЮГ, К ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ...

Вокруг идущих — белая пустыня из плавучих льдов, и уже на одиннадцатый день трое решают возвратиться назад: Пономарев, Шахнин и Шабатура. 5 мая — первая смерть. 17 июня, когда наконец увидели землю, двое (Альбанов специально не называет их фамилий) тайком уходят, забрав лучшее из продовольствия, одежды и... документы, уверенные в том, что теперь-то уж, конечно, точно до земли дойдут они, а не те, от кого они ушли.

Оставшиеся с Альбановым жаждут мести и порываются организовать погоню. Валериан Иванович останавливает их: нечего терять попусту драгоценные силы. Его мутит от бессмысленности этого побега. Беглецов во льдах ждет неминуемая смерть, ведь они не знают, куда идти, и у них нет каяков, а впереди неминуемо встретится чистая вода. И он еще больше торопит своих спутников.

На что он надеялся? Отличный штурман, знающий Север, он уверенно, несмотря на почти встречный дрейф льдов и отсутствие каких-либо карт, не считая схематичного наброска великого норвежца Нансена (на котором, кстати, красовались, сбивая с толку, несуществующие архипелаги: Земля Петермана и Земля Короля Оскара), вел свой маленький отряд к Земле Франца-Иосифа. Снова и снова он вспоминал Нансена, книгу которого

нес с собой, которая была его путеводной звездой, и записывал в своем дневнике:

«Прожить зиму в хижине, сложенной из камней, без отопления, завешенной шкурой медведя вместо двери и шкурой моржа вместо крыши, могли такие здоровые и сильные духом люди, как Нансен и Иогансен, но не мои несчастные и больные спутники».

На спасение судьбой был отпущен единственный шанс, Альбанов не знал, из скольких: из тысячи или из миллиона. В конце концов это неважно, важно только то, что единственный. И он не собирался так просто выпускать его из рук. Этот шанс — добраться до острова Нордбрук, где на мысе Флора двадцать лет назад была заложена база английского полярного исследователя Джексона.

Двадцать лет назад! Что осталось от базы за это время? Но это единственный шанс, и верить в него надо.

— Соберем развалины, — успокаивал Альбанов, — починим каяки и нарты. А через год можно подумать о Шпицбергене или Новой Земле.

Вдумайтесь как следует в эти слова: «Через год можно подумать о Шпицбергене или о Новой Земле». Через год! А Шпицберген и Новая Земля тоже еще не спасение, в те времена это столь же пустынные полярные архипелаги.

И они снова шли. А льды ползли им навстречу и относили в сторону. «Если я благополучно вернусь «домой», — всматриваясь в бескрайнюю ледяную пустыню, думал Альбанов, — поступлю на службу куда-нибудь на Черное или Каспийское море. Тепло там... В одной рубашке можно ходить и даже босиком... Неужели правда можно? Странно... Сейчас здесь так трудно себе представить это, что даже не верится этой возможности. ...Ах, зачем я пошел в это плавание, в холодное, ледяное море, когда так хорошо плавать на теплом юге! Как это глупо было! Теперь вот и казись, и иди, иди, иди... подгоняемый призраком голодной смерти. Не искушай судьбу: так тебе и надо, и ты даже права не имеешь жаловаться на несправедливость ее. Сегодня вот предстоит у

нас «холодный» вечер, так как топлива нет нисколько, не на чем даже будет натаять воды для питья. Все это только справедливое возмездие тебе, не суйся туда, где природа не желает допустить присутствия человека. Мечтаешь ехать на теплый юг, когда ты еще находишься в области вечного движущегося льда, далеко за пределами земли. Ты еще доберись сначала до конечности самой северной земли... Доберешься ли?»

Наконец под ногами была «оконечность самой северной земли», но для большинства из них она стала могилой.

28 июня случайно наткнулись на беглецов. Те с плачем бросились в ноги. Альбанов простил их, хотя до этого, сразу же после побега, обещал своим спутникам собственноручно пристрелить их.

Путь от острова к острову оказался еще более трудным, чем путь по плавучим льдам. В проливах на каяки нападали моржи, отряд все больше смертельными тисками сдавливало отчаяние, с каждым днем Альбанову все труднее становилось заставлять своих спутников идти. Четверо налегке шли берегом (из-за беглецов в свое время пришлось бросить один из каяков, и это поставило отряд перед новыми проблемами), четверо с грузом в каяках — морем. Но однажды на условленное для встречи место береговой отряд не пришел. А через день хоронили матроса Нильсена.

В один из межостровных переходов внезапно налетевшим ветром унесло каяк с Луняевым и Шпаковским, и они остались только двое: Альбанов и матрос Конрад. На пропавшем каяке была последняя винтовка. Но даже тут Альбанов не пал духом. «Доберемся до мыса Флора — сделаем лук», — успокаивал он Конрада.

А вдруг на мысе Флора ничего нет? Чем ближе двое были к заветной цели, тем больше эта мысль точила мозг.

Но база Джексона сохранилась, и они нашли на ней продовольствие и оружие.

Это была победа!

Но после последнего ледяного купания и нервного

перенапряжения Альбанов тяжело заболел, и Конрад, боясь остаться один, пошел на каяке к мысу Гранта в надежде отыскать потерявшийся береговой отряд. Эти дни одиночества были, наверно, самыми тяжелыми для Альбанова за все время похода. Его посещали кошмары, он то и дело слышал за дверью голоса. А когда вернулся Конрад, у него не хватило сил сказать ему и слова, а Конрад... Конрад не выдержал, заплакал.

Стали готовиться к зимовке — и вот эта неожиданная встреча с участниками экспедиции Седова. И горечь: «Пришлось мне узнать при этом такую новость, которую не мешало бы мне знать несколько ранее, когда я был на острове Белль. Оказывается, что на северо-западном берегу острова, очень недалеко от того места, куда ходили мы искать гнезда гаг и смотреть, что такое представляет из себя «гавань Эйра», стоит и сейчас дом, построенный лет сорок тому назад Ли Смитом. Дом этот хорошо сохранился, годен для жилья, и там даже имеется небольшой склад провизии. Недалеко от дома лежит хороший бот, в полном порядке. Когда мы ходили на северный берег острова, то не дошли до этого домика, может быть, каких-нибудь 200 или 300 шагов.

Тяжело сознавать, что, сделай мы тогда эти лишние 200 или 300 шагов, и возможно, что сейчас сидели бы на «Фоке» не вдвоем с Конрадом, а все четверо. Не спас бы, конечно, этот домик Нильсена, который в то время слишком уж был плох, но Луняев и Шпаковский, пожалуй, были бы еще живы. Уже одна находка домика с провизией и ботом сильно подняла бы дух у ослабевших людей».

Взяв на борт в качестве топлива разобранный дом Джексона, «Св. Фока» по просьбе Альбанова вернулся на мыс Гранта, но на корабельные гудки никто не ответил, а подойти к берегу не смогли из-за тесно сплоченных льдов. Тогда «Св. Фока» развернулся и, слабо коптя, тронулся на юг. Снова зажали льды, сторел в топке и дом Джексона, уже стали поговаривать о пешем походе к Новой Земле, но пришедший неожиданно ветер растолкал льды, в топку полетели последние переборки и

верхние части мачт, и к концу августа 1914 года с «Фоки» наконец увидели берег. Появился первый пароход. Стали ему сигналить, но пароход торопливо развернулся и скрылся в тумане. Что такое? На другой день встретились рыбаки. Сначала осторожно маячили вдаль, потом подошли: в обтрепанном, с укороченными мачтами судне они с трудом узнали «Фоку».

Первый вопрос, который задали с него:

— Что, войны-то никакой нет?

— Как нет. Большая война идет: немцы, австрийцы, французы, англичане, сербы, почитай, что все воюют. Из-за Сербии-то и началось.

— Ну а Россия-то воюет ли?

— А как же! Известно, и Россия воюет.

— Так это же европейская война! — вырвалось у кого-то восклицание.

Но седовцы еще не знали, что самое горькое было впереди. Прошло еще немало времени, пока «Фока» медленно и устало подполз к дождливому и пустынному архангельскому причалу. На телеграмму, посланную в комитет по организации полярной экспедиции Седова, пришел удручающий ответ: «Денег нет, обходитесь своими средствами». И целый месяц, убитые равнодушием и даже неприязнью властей, седовцы жили на положении нищих на полузатопленном, без палубы и без кают, «Св. Фоке».

Как сложилась дальнейшая судьба Валериана Ивановича Альбанова? Ни на Черное, ни на Каспийское море он не поехал. Как писал В. Ю. Визе в коротком сообщении в «Летописи Севера», с 1914 по 1918 год он плывал старшим помощником на ледорезе «Канада» (потом — «Литке»). Конрад был с ним. В 1918 году перебрался на реку своей юности — Енисей, плывал на пароходе «Север» в составе Обь-Енисейского гидрографического отряда. Снова не раз лицом к лицу встречался со смертью, но благодаря своему мужеству каждый раз выходил победителем. Смерть пришла к нему нелепо, впрочем, смерть всегда приходит нелепо: после окончания навигации 1919 года Альбанов был вызван в Омск в

гидрографическое управление, на обратном пути заболел тифом, и в Красноярск поезд уже привез холодное тело. По другим сведениям, на станции Ачинск рядом с поездом, в котором он ехал, взорвался эшелон с боеприпасами. По третьим — он погиб при взрыве поезда где-то вблизи Ачинска.

Прошло много лет, прежде чем Валериан Иванович Альбанов вернулся к нам из забвения: в 1932 году его именем был назван мыс на острове Гукера Земли Франца-Иосифа, с 1962 года его имя стал носить остров в Карском море неподалеку от Диксона, а в 1972 году вошло в строй гидрографическое судно «Валериан Альбанов». В 1974 году оно побывало на мысе Флора, где экипажем торжественно была установлена мемориальная доска в честь Валериана Ивановича Альбанова. Символично, что судно занимается обеспечением безопасности арктических морских трасс и приписано к Архангельску, порту, с которым у Валериана Ивановича Альбанова было так много связано.

Вот что писал мне второй помощник капитана судна Егоров:

«Мы работаем в тех местах, где когда-то шел Альбанов с товарищами, и хорошо знаем суровый нрав Арктики, ее белое безмолвие, грозные льды, тишину скалистых берегов. Только человек с горячим сердцем может покорить ее. А именно таким и был Валериан Иванович Альбанов...

Наше судно в основном занимается лоцработами — мы зажигаем и ремонтируем навигационные знаки, устанавливаем буи, развозим различный груз, одним словом, обеспечиваем безопасность трассы Северного морского пути, и каждый наш день наполнен до предела простой, тяжелой работой. И при каждой высадке на пустынный берег мы ощущаем ту незримую связь, которая протянулась к нам из далекого прошлого, причастность к большому и нужному делу освоения Арктики».

УФИМСКИЙ ГИМНАЗИСТ

Такой была короткая и мужественная жизнь полярного штурмана В. И. Альбанова, прожившего девятнадцать лет в прошлом и девятнадцать лет в настоящем столетии.

Но все, что я сейчас о нем рассказал, это, так сказать, внешняя сторона биографии. А что стояло за ней? Все-таки что он был за человек, Валериан Иванович Альбанов?

Вы можете представить его во всей сложности характера, во всей сложности его глубокой натуры? Я — пока нет. Для меня он все еще скорее идея, чем плоть. Чем жил он, помимо Севера? О чем мечтал?

Ничего этого, к сожалению, в силу бурных событий начала века мы не знаем. «Несмотря на то, что «Записки...» В. И. Альбанова выдержали несколько изданий, ни в одном из них не было биографических сведений об авторе», — писал в 1953 году в предисловии к очередному изданию «Записок...» знаток Севера известный журналист Н. Я. Болотников. Все, что мы знаем об Альбанове, — только из «Записок...», в которых, когда дело касалось его самого, он был предельно сдержан и сух; и, как я уже говорил, — из короткого сообщения участника седовской экспедиции члена-корреспондента Академии наук СССР В. Ю. Визе, опубликованного в 1949 году в «Летописи Севера»:

Разумеется, Владимир Юльевич знал о нем больше, чем написал, ведь он знал Альбанова лично, он мог бы подсказать, откуда почерпнуть недостающие сведения, но, увы, у него уже тоже нельзя спросить.

Наверное, многое бы открыл дневник Альбанова, который он вел на «Св. Анне» с первого дня, как поднялся на ее борт, и до того времени, когда покинул ее, и еще месяц уже ледового пути, но эта часть дневника пропала у мыса Гранта, тетрадь была на каяке Шпаковского и Луняева.

Мне бы хотелось побольше узнать о его детстве. Все, повторяя Визе, пишут, что Валериан Альбанов родился в 1881 году в Воронеже в семье ветеринарного врача, но рано потерял отца и потому воспитывался у дяди в Уфе. Но ничего не пишут о матери. А кто она была? От кого у него эта магическая тяга к дальним дорогам? Умерла ли она еще раньше мужа? Или семья была многодетна, после смерти мужа было не под силу воспитать всех, и Валериану, хотел он этого или не хотел, пришлось уехать в Уфу? В какую среду он попал в Уфе? Что за люди его окружали? Что за человек был его дядя? С кем Валериан дружил? Ведь все формируется в детстве.

Кого спросить? Как я уже говорил, наверно, мало кто из его друзей детства дожил до седины?

С надеждой я шел в уфимскую среднюю школу № 11, бывшую мужскую гимназию, сделавшую очень много в деле просвещения края, давшую стране много честных и выдающихся умов. В ней учились великий русский художник М. В. Нестеров и выдающийся геолог академик А. Н. Заварицкий. Скорее всего в ней учился и Альбанов.

В школе хороший краеведческий музей, в нем собран интересный материал почти о всех гимназистах и учащихся, впоследствии ставших известными, но об Альбанове здесь впервые слышали, и это даже настораживало, не напутал ли В. Ю. Визе. Не было фамилии Альбанова и в сохранившихся за те годы списках выпускников гимназии, не было такой фамилии и в картотеке уфимского краеведа Г. Ф. Гудкова, а он-то уж не пропустит ни одну

хотя бы сколько-нибудь интересную личность старой Уфы.

Тем не менее в Центральном государственном архиве Башкирии я первым делом запросил так называемый «Алфавит» — указатель имен Первой правительственной гимназии.

И сразу же — удача. Я еще не знаю ее размеров, но удача: на первой же странице детским неровным почерком выведено: «Альбанов Валериан», напротив — номера фонда, описи и дела, где я что-то могу узнать о нем.

Волнуюсь, жду. Наконец приносят.

Первая папка. Список учеников приготовительного класса за 1891/92 учебный год. Первой в нем стоит фамилия Альбанова. Потом идут Архангельский А., Гагин К., Блохин А., Кабанов А. ...Кем они стали, эти мальчишки, учившиеся в приготовительном классе вместе с Валерианом Альбановым? Имели ли они на него какое-нибудь влияние?.. Лабентович Л., Лисовский Р., Охримовский В. ...

Листаю списки гимназистов других классов за этот же год. О-го! В первом «А» классе учился Кадомцев Эразм — в будущем легендарный революционер, один из братьев Кадомцевых, основателей и руководителей первых в России боевых организаций народного вооружения, ставших прообразом боевых дружин Пресни, Октябрьской революции, а потом и регулярных частей Красной Армии. Эразм Кадомцев — организатор известной Демской экспроприации под Уфой денежных средств царизма, которые пошли на нужды V (Лондонского) съезда партии, один из организаторов первой боевой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе, начальник Уфимского губернского штаба боевых организаций народного вооружения.

Затем он возглавит разведку Восточного фронта, позже, став заместителем Дзержинского, примет командование всеми войсками ГПУ страны. Еще позже будет заведовать Госкино. Мало кто знает, что тема кино-

фильма «Броненосец Потемкин» Сергею Эйзенштейну была подсказана Эразмом Самуиловичем...

Конечно же, гимназистами они были знакомы, как, наверное, знаком был Альбанов и с Заварицким: помимо гимназии они могли встречаться и в Петербурге, где учились один в мореходных классах, другой в Горном институте.

А во втором «Б» в это время учился Егор Сазонов, чьим именем теперь названа одна из улиц Уфы. Тот самый знаменитый Егор Сазонов, который 15 июля 1904 года на Измайловском проспекте в Петербурге по постановлению боевой организации партии эсеров бросил бомбу в министра внутренних дел Плеве.

А вот список гимназистов-первоклассников за следующий, 1892/93 год. Первым в нем опять-таки Альбанов, а дальше... а дальше Кадомцев Эразм, который, оказывается, не более и не менее как остался в первом классе на второй год. А я еще гадал, знакомы ли они были?! Может, даже сидели за одной партой. Дружили ли они?

В этой папке нахожу слегка пожелтевшую по краям бумагу, из которой узнаю, что гимназист Валериан Альбанов был освобожден от платы за учебу. Все правильно: от платы освобождались сироты.

Смотрю списки гимназистов за 1893/94 учебный год. Второй «А» класс. Второй «Б» класс. Что? Фамилии Альбанова в них нет. Куда же он мог деться?

Перебрасываю страницы назад. Заглядываю в список первого «А» класса за этот же год. А! Гимназист Валериан Альбанов — тоже второгодник. Поневоле поверишь в притчу, что все выдающиеся люди — второгодники.

Тем временем мне приносят новую папку, и снова удача: в ней среди личных дел других гимназистов личное дело гимназиста Валериана Альбанова. Все «дело», правда, состоит из двух листов, но все равно это удача:

«Свидетельство. Предъявитель сего сын чиновника Валериан Альбанов, православного исповедания, родившийся 26 мая 1882 года, поступил в приготовительный

класс Уфимской мужской гимназии 1 ноября 1891 года по свидетельству Оренбургской гимназии и обучался в ней по 3 января 1895 года, при хорошем поведении (4) в преподаваемых во втором классе предметах оказал следующие успехи (за 2-ю четверть 1894/95 учебного года):

В законе божьем — удовлетворительно (3); русском языке — посредственно (2); латинском языке — удовлетворительно (3); математике — удовлетворительно (3); географии — удовлетворительно (3); немецком языке — посредственно (2); рисовании — хорошо (4); чистописании — удовлетворительно (3).

3 января выбыл из второго класса по прошению дяди.

До поступления в Уфимскую гимназию он, Валериан Альбанов, обучался в подготовительном классе Оренбургской гимназии. В бытность свою в Уфимской гимназии оставался на два года в первом классе».

По свидетельству Визе, Альбанов родился в 1881 году. На какие документы Владимир Юльевич опирался? Скорее всего на более поздние. А не прибавил ли в свое время Валериан Альбанов себе год, чтобы иметь возможность поступить в мореходные классы?..

И вторая бумага, подтверждающая отчисление Валериана Альбанова из Первой уфимской гимназии:

«Его Превосходительству Господину Директору Уфимской гимназии инспектора народных училищ Бирского района А. Альбанова Прошение.

По семейным обстоятельствам ученик 2 класса Валериан Альбанов не может продолжать образование в Уфимской гимназии, а потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство уволить его из вверенной Вам гимназии и выдать ему, Валериану Альбанову, хранящиеся при фондах гимназии его документы под его расписку.

Покорнейший проситель инспектор народных училищ Бирского района статский советник Алексей Альбанов.

27 декабря 1894 года, г. Уфа».

Внизу приписка другим почерком:

«За учеником 2 класса В. Альбановым книг по ученической библиотеке не числится».

Эти два документа многое открывали, и я потирал руки от волнения, но в то же время разочаровывали — они не вели к новым находкам, а, наоборот, в какой-то мере запутывали поиск: по утверждению Визе, Валериан Альбанов поступил в мореходные классы после Уфимской гимназии, а он отчислен из нее из второго класса.

Но что же нового узнали мы из этих документов? Что до Уфы после Воронежа какое-то время он жил в Оренбурге, где начал ходить в подготовительный класс. С кем он там жил? С матерью? С другим дядей? Или этот дядя жил тогда в Оренбурге?

Сейчас сентябрь. Я смотрю на сегодняшних первоклашек на уфимских улицах, задумчиво бредущих после занятий под желтыми кленами с ранцами за плечами, стараюсь представить пригостишку Альбанова и вижу его почему-то тихим и замкнутым мальчиком, хотя вряд ли он был таким. По поведению «четверка». Любопытно: «посредственно» по русскому языку — а позже несомненные литературные способности: «Записки...» В. И. Альбанова написаны упругим, образным, точным и емким языком. «Тройка» по географии — скажи тогда учителю географии, что со временем гимназист Альбанов станет одним из лучших полярных штурманов, тот бы, наверное, в отчаянии замахал руками или снисходительно улыбнулся: «Что вы!» И единственная «четверка» — по рисованию.

Надеялся, но сколько ни искал, в архиве гимназии я не нашел кондуитный журнал на гимназиста Альбанова. А жаль, он многое мог бы дать. Листаю кондуитные журналы других гимназистов, в них записывалось абсолютно все: поощрения и наказания, вызовы в гимназию родителей, такой-то гимназист тогда-то на уроке божьем ударил линейкой соседа, а такой-то гимназист тогда-то на улице на виду у всей мужской гимназии поцеловал гимназистку Н.

Но все-таки почему и куда он выбыл из гимназии в середине учебного года? Был исключен за плохую успе-

ваемость и плохое поведение, и сделали мину, чтобы он имел возможность поступить в другую гимназию? Ведь примерно к этому году относится и его побег на лодке по Белой в кругосветное путешествие. Или он успел натворить что-нибудь еще? «Тройка» по географии не говорила о его равнодушии к географии. — несмотря на нее, он уже тогда мечтал о дальних морских дорогах.

Куда в Уфе могли его пристроить учиться, помимо Первой гимназии? За советом иду к известному уфимскому краеведу Н. Н. Барсову.

— Если только в частную гимназию. В Уфе в то время была лишь одна правительственная мужская гимназия. Но зачем Альбанову-дяде было устраивать племянника в частную гимназию — там нужно было платить за обучение, и немалые деньги, а в государственной гимназии Валериан Альбанов, как сирота, имел право на бесплатное обучение.

— Да, в Первой гимназии он был освобожден от оплаты.

— Кто был его дядя?

— Инспектор народных училищ. Статский советник.

— Статский советник? О-го! Штатский полковник. Для тогдашней Уфы это была заметная фигура. Но почему же нет о нем ничего в картотеке Гудкова? Альбанов-дядя, несомненно, был человеком состоятельным, но все-таки маловероятно, чтобы он мог определить племянника в частную гимназию. Вы говорите, что Валериан Альбанов в подготовительном классе учился в Оренбурге? Не мог дядя отправить его туда обратно — на полное государственное пансионное обеспечение?

— А в Бирске тогда не было гимназии? Дядя в то время был инспектором народных училищ Бирского района. Не мог он в связи с этим переехать в Бирск?

— Нет, в Бирске гимназии не было.

— А в Уфимское реальное училище он мог его определить?

— Пожалуй, мог. Реальное обучение было ближе к жизни, а ведь, как вы говорите, дядя хотел сделать из него инженера. Из второго класса он вполне без ущерба

знаний мог перейти в реальное. Но архивов реального училища, как вы знаете, не сохранилось, как и архивов частных гимназий. А никаких других документов в личном деле не сохранилось?

— В том-то и дело. Да они и не могли сохраниться. Как свидетельствует приписка, все документы «выданы гимназисту Альбанову под расписку».

Еще и еще раз перечитываю прошение дяди. Что же за семейные обстоятельства это все-таки могли быть, которые заставили его забрать племянника из гимназии? И не нахожу ответа.

На всякий случай запрашиваю в архиве списки учителей и всех могущих иметь отношение к просвещению в Бирском учебном районе. Листаю «Вестник Оренбургского учебного округа», всевозможные справочные книжки Оренбургской губернии — никаких Альбановых не нахожу. А что, если забрали его не Альбановы, а родственники матери, девичьей фамилии которой я не знаю?

После загадочного отчисления Валериана Альбанова из гимназии личность дяди стала для меня еще более загадочной. Какой он был? Добрый, отзывчивый? Или наоборот? Добрый, отзывчивый вряд ли бы отказал в средствах на существование. Нужно каким-то образом искать сведения о дяде. Теперь только они могут дать ниточку для дальнейшего поиска.

Инспектор народных училищ. А что, если попробовать покопаться в архивных фондах директора народных училищ?

И вот после долгих поисков у меня в руках «Формулярный список о службе инспектора народных училищ Уфимской губернии Белебеевского района (уже Белебеевского!) статского советника Алексея Петровича Альбанова»:

«Сын священника (прав был Гудков, утверждая, что Альбановы — фамилия скорее всего священническая). Окончил Казанскую духовную семинарию. Кандидат богословия. В 1877 году определен на работу в Уфимскую духовную семинарию, одновременно с 1879 по

1881 год преподавал русский язык в Уфимской женской гимназии.

Женат первым браком на дочери протоиерея Добровидова Анне Алексеевне. Чада: Николай, родился 12 ноября 1891 года и Петр — 16 июня 1894 года. Имеет дом в Уфе.

1883 год — инспектор Киргизской школы Букеевской орды; 1889 — инспектор Оренбургской киргизской учительской школы; 1891 — инспектор народных училищ Бирского района; 1893 — заведование и школами Белебеевского уезда; 1896 — назначен инспектором народных училищ Белебеевского уезда; 1902 — определен на пенсию за выслугу 25 лет. Оставлен на службе; 1904, 1 января — уволен в отставку».

Значит, ни в 1894, ни в 1895 годах Алексей Петрович Альбанов из Уфы не уезжал. Уезжал раньше — в Оренбург, где вместе с ним, а не с матерью был и Валериан, поступивший там в приготовительный класс. Не уезжал Алексей Петрович из Уфы и до 1904 года. Тогда какие же семейные обстоятельства заставили его забрать племянника из гимназии? Правда, в июне 1894 года (прошение об отчислении Валериана Альбанова подписано декабрем) у него родился второй сын. Неужели это событие каким-то образом могло повлиять на судьбу Валериана Альбанова? Непоседа, он стал лишним в семье?

На все эти вопросы я пока не в силах ответить. Но зато мы теперь в какой-то мере можем представить атмосферу, в которой воспитывался Валериан Альбанов: дед — священник, дядя — кандидат богословия, его жена — дочь священника. Гости — священники... Он не раз, видимо, заставлял краснеть это благочестивое семейство: уж хотя бы закон-то божий он мог знать лучше чем на «тройку»!

В архиве директора народных училищ сохранились пространные отчеты, доклады инспектора народных училищ А. П. Альбанова о состоянии просвещения во вверенных ему районах. Ради справедливости нужно сказать, что в этой должности он сделал многое в деле просвещения края. А в его ведении были школы в

нынешних Бирском, Благовещенском, Мишкинском, Белебеевском, Миякинском и других районах Башкирии. Он много и часто ездил, его отчеты отличаются заботой о деле, конкретностью, точностью, иногда они резки, когда он обнаруживал, что какой-то сельский учитель или священник плохо относится к своим обязанностям или запил. Будем считать, что статский советник, инспектор народных училищ Алексей Петрович Альбанов внес свой достойный вклад в дело просвещения края, хотя и не мог препятствовать «дурному» и неправильному, по его мнению, направлению ума своего племянника. Эти отчеты заставили меня относиться к нему с большим уважением, чем прежде, хотя какое-то интуитивно предвзятое отношение к нему почему-то оставалось.

Но оставим дядю в покое. Тем более что интересуется он нас постольку, поскольку у него воспитывался выдающийся полярный штурман В. И. Альбанов. Тем не менее благодаря ему мы узнали, что отца Валериана Альбанова звали Иван Петрович, это, может, даст нить для дополнительного поиска. А может, дядя поможет нам узнать, где жил в Уфе Валериан Альбанов?

Перелистываю десятки всевозможных «Справочных книжек и адресных календарей», «Календарей и справочных книжек» Уфимской губернии за разные годы. Бесплезно. Наконец в «Списке имеющих, на основании Высочайше утвержденного 11 июня 1892 года городского положения, право участия в выборах городских гласных по городу Уфе и кандидатов к ним на четырехлетие 1901—1904 гг.» под номером шесть нахожу:

«Фамилия, имя, отчество — Альбанов Алексей Петрович, статский советник.

В какой части и улице города находится недвижимое имущество: 2, Аксаковская.

Стоимость недвижимого имущества по городской оценке: одного — 1000 рублей, всех — 1000 рублей».

Значит, жили Альбановы на Аксаковской улице в небольшом по тем временам собственном доме. Но как

найти этот дом, если он сохранился? За последние годы Аксаковская улица сильно изменилась. С начала этой улицы хорошо видна Белая, дали за ней — синие, в дымке.

Запрашиваю еще один список — «Список лиц, имеющих право быть присяжными в 1901 году по Уфимскому уезду». Фамилия статского советника Альбанова в нем есть, но дальше меня ждало разочарование: напротив графы «местожительство» стояло просто — г. Уфа.

И снова обращаюсь к «Адресам-календарям». И надо же — до 1904 года в них не указывались подробные адреса должностных лиц, потому что до 1904 года в Уфе не было нумерации домов, а в 1904 году, когда ее наконец ввели, в «Адрес-календаре» вместо Альбанова в должности инспектора народных училищ Белебеевского района числился уже некий коллежский секретарь Дворжецкий. А. П. Альбанов в этом году подал в отставку.

Но это не страшно: в связи с введением нумерации домов по решению городской думы была издана книга — «Список улиц и домовладений г. Уфы». Она-то уж мне обязательно поможет.

Странно, фамилии Алексея Петровича в ней не нахожу. Есть Альбанов, но другой — Михаил Васильевич, чиновник, проживающий на углу Маминской и Водопроводной.

В чем же дело? Что касается «Адрес-календаря», то все понятно: туда включали только должностных лиц, а Алексей Петрович ушел в отставку. Но почему его фамилии нет в списке домовладений? Статский советник, пусть даже отставной, — заметная фигура в тогдашней Уфе.

Неужели, подав в отставку, он уехал из Уфы? Скорее всего, ведь у него было два сына, и ни одного из них ни в те годы, ни позже нет в списках Уфимской гимназии. Впрочем, Алексей Петрович мог определить их в частные гимназии, в духовную семинарию или реальное училище. Старший сын, Николай, родился в 1891 году,

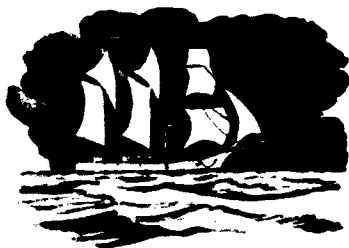
и не мог же он до 1904 года, то есть до предполагаемого отъезда отца из Уфы, болтаться неучем.

Интересно, кем они стали, сыновья Алексея Петровича? Вот они-то уж многое могли рассказать, они-то уж обязательно знали о судьбе своего двоюродного брата. Священниками — по семейной традиции? Или отец, как и племянника, хотел видеть их инженерами? Кем они стали во время революции, в гражданскую войну? В 1917 году одному из них было двадцать шесть, другому — двадцать три года.

В фондах Музея Арктики и Антарктики, откуда мне коротко сообщили, что «музей не располагает сведениями о личной жизни В. И. Альбанова», хранятся две фотографии: «В. И. Альбанов в возрасте восьми лет с сестрой», «Альбанов-гимназист с сестрой». Значит, у него была сестра. Но тогда где воспитывалась она? У других родственников или вместе с братом приехала в Уфу? Была она старше брата или моложе?

Как попали эти фотографии в музей, как, впрочем, и все другие документы Альбанова: книжка для внесения сведений о службе на морских судах в судоводительских званиях, книжка члена Всероссийского союза моряков и речников торгового флота, другие фотографии? Кто-то же передал их туда. Но кто? Кто случайно оказался рядом в день его смерти? Сослуживцы, родственники? Александр Конрад?

Вот кто мог бы, наверное, рассказать о нем больше чем кто-либо. Но Александр Эдуардович Конрад умер в 1940 году. Говорят, что в Музей Арктики и Антарктики как-то заходила его дочь, но в музее мне так и не смогли найти ее адреса.

ЧЕЛОВЕК, ПОМОГИ СЕБЕ САМ!

И снова он передо мной — смутный и уплывающий образ: то гимназист, тихий, застенчивый, хотя скорее всего он не был ни тихим, ни застенчивым, то такой, каким видим его на фотографиях последних лет.

Стараюсь быть беспристрастным. И все думаю о том, что было бы со «Св. Анной» и ее экипажем, если бы он не ушел с нее. Не стал ли этот уход для «Св. Анны» той трагической гранью между жизнью и смертью, после которой оставшиеся на ней пали духом, лишившись единственного реального руководителя, способного вывести их из критического положения? Имел ли он моральное право уходить с судна? Может быть, «Св. Анна», подобно «Фраму», рано или поздно сама освободилась бы из льдов?

Имел право.

Стараюсь быть беспристрастным. И опять думаю об этом. И опять — все-таки имел. У Альбанова из-за ссоры с Брусиловым уже давно не было на судне не только решающего, но даже совещательного голоса, тем более что экспедиция была финансирована дядей Брусилова и Альбанов служил в ней лишь по найму.

Да, может быть, все изменилось бы в дальнейшем, в какой-то критической ситуации — это не исключено — экипаж полностью мог бы встать на сторону Альбанова,

но тогда все равно было бы уже поздно. Единственный шанс на спасение — единственная находящаяся в относительной близости суша — Земля Франца-Иосифа — к тому времени уже давно осталась бы позади, а «Св. Анне» в ближайшем будущем не было суждено самостоятельно вырваться из льдов. Это Альбанов знал твердо. Это во-первых.

А во-вторых, если «Фрам» придрейфовал к омывающему западные берега Шпицбергена и проникающему дальше на север теплому течению в самое благоприятное время года — в июле, то «Св. Анне», если бы ее миновала судьба быть раздавленной, предстояло там быть только в ноябре-декабре, когда кромка льдов находится гораздо южнее. Возможность освобождения ее ото льдов откладывалась бы до лета 1915 года у берегов Гренландии, в местах, даже летом далеко не благоприятных для судоходства.

Альбанов это знал, тем не менее не хотел отбирать у верящих в такое спасение надежды на счастливый случай и своим уходом с судна увеличивал их шансы на этот случай. Кроме того, что оставшимся хватало продовольствия и топлива еще на полгода, у них появлялась дополнительная надежда, что ушедшие на землю рано или поздно сообщат там о них, и к ним придет помощь.

Впрочем, обратимся к его дневнику: «...в январе 1914 года становилось почти очевидным, что нам нечего рассчитывать на освобождение судна от ледяных оков в этом году: дрейф наш обещал затянуться в самом лучшем случае до осени 1915 года, т. е. месяцев на двадцать, двадцать два. И это при самых благоприятных условиях. Таким образом, если бы мы все оставались на судне, то в январе 1915 года у нас должен быть уже голод в буквальном смысле слова. Голод среди полярной ночи, т. е. в такое время, когда не может быть даже и надежды на охоту, когда замирает всякая жизнь в безбрежной дрейфующей пустыне.

С другой стороны, если бы в апреле месяце наступившего 1914 года половина всего экипажа «Св. Анны» решилась уйти с судна, чтобы в самое благоприятное для

путешествия и охоты время достигнуть земли, и даже бы взяла с собой при этом на два месяца самой необходимой провизии, главным образом сухарей, то для другой половины экипажа, оставшейся на судне, провизии должно было хватить уже до октября месяца 1915 года. А в это время мы тогда считали уже возможным освобождение судна от ледяных оков где-нибудь между Гренландией и Шпицбергенom».

Сам же он, увеличивая их шансы на счастливую случайность, в отличие от Брусилова и многих других, предпочитал жить не отвлеченной надеждой, которая была, по его мнению, не чем иным, как трусостью, боязнью заглянуть в будущее, а реальной возможностью. А реальной возможностью в их положении было лишь одно — надеяться только на самого себя. Человек, помоги себе сам — был его жестокий, без иллюзий лозунг. Это в наши дни в Арктике, когда всемогущими стали радиосвязь, авиация и ледокольный флот, почти всегда можно надеяться на помощь, а тогда?.. Тогда можно было надеяться только на самого себя. Только на себя — и больше ни на кого! «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» — горький юмор афоризма Ильфа и Петрова применительно к этому случаю нужно читать без иронической улыбки.

Но это не значит, что Альбанов вообще не верил в людей и в человеческую взаимопомощь. Он верил, и, может быть, больше чем кто-либо на «Св. Анне», но верил он опять-таки не в отвлеченную счастливую случайность, а в конкретную помощь людей, породненных суровой Арктикой. А конкретной и единственной помощью была тогда оставленная двадцать лет назад на Земле Франца-Иосифа база английского полярного исследователя Фредерика Джексона.

И эта вера подарила Альбанову победу! Тяжелую, оплаченную жестокой ценой, но победу.

Это была не просто победа!

Это было торжество веры во взаимовыручку людей, связавших свою судьбу с Арктикой. Не мог же полярный исследователь Фредерик Джексон, если он был насто-

ящим полярником, а он был таковым, покинуть Землю Франца-Иосифа, не заложив на ней хотя бы продовольственного склада на случай беды, постигшей вдруг другие полярные экспедиции!

После тяжелых взаимоотношений на «Св. Анне» это было вдвойне победой: она укрепила веру Альбанова в неразрывную связь людей. Помощь, пришедшая через двадцать лет! Рука единомышленника, протянутая через льды протяженностью в двадцать лет!

И вообще надо сказать, что у английского полярного исследователя Фредерика Джексона была счастливая судьба и легкая рука. Может быть, он не очень многого достиг как ученый, хотя заслуги его в исследовании Земли Франца-Иосифа несомненны, но он совершил в Арктике много других больших дел: в 1894 году на мысе Флора он встретил возвращающегося от полюса Нансена — еще неизвестно, чем бы кончилась эта дорога для Нансена, если бы не эта встреча (кстати, один из открытых им островов Земли Франца-Иосифа Нансен назвал именем Джексона), — и вот через двадцать лет на этом же самом мысе он спас Альбанова с Конрадом. Впрочем, еще раньше, когда они наконец только что вышли на неизвестную землю — они наткнулись на сложенный Джексонем тур из камней, а в нем нашли записку, которая разъяснила им местонахождение и дала им веру в будущее. И спас не только их, а всех оставшихся в живых из экспедиции лейтенанта Седова, дав их кораблю топливо, а те в свою очередь во второй раз спасли Альбанова с Конрадом. А до этого, еще в самом начале похода по плавающим льдам, Альбанову помог Нансен — своим мужественным примером, своей книгой «Среди льдов и во мраке полярной ночи», картой-наброском в этой книге.

Взаимопомощь людей, связавших свою судьбу с Арктикой! Альбанов не смог бы вернуться, если бы не помощь Нансена, Джексона, Седова, посланная ему в разные годы. А Нансену в свое время помогла, подсказала решение трагическая судьба американской полярной экспедиции Джорджа де Лонга: в сентябре 1897 года

судно этой экспедиции «Жаннетта» было зажато льдами возле острова Врангеля и начало свой двадцатиднемесячный дрейф в юго-западном направлении. Летом 1881 года «Жаннетта» была раздавлена льдами. Экипаж по плавучим льдам пошел к Новосибирским островам, а затем — на материк.

Многим, в том числе начальнику экспедиции, эта дорога стоила жизни, остальных спасли якуты. Через три года у берегов Гренландии были обнаружены некоторые вещи, принадлежавшие экспедиции де Лонга. Эта находка навела Нансена на мысль о существовании постоянного дрейфа льдов от берегов Сибири через Северный Ледовитый океан в Гренландское море. В результате он и предпринял свою экспедицию — дрейф через Полярный бассейн — на «Фраме».

Взаимопомощь людей, связавших свою судьбу с жестокой и все равно манящей Арктикой! Погибали и через много лет протягивали руку помощи другим, ступившим на их путь. Нет, ни одна смерть в суровых льдах не была напрасной. Нет! Это — как лестница, лестница человеческого познания, где почти каждая ступенька вверх оплачена жизнью. Но чем выше по этой лестнице, тем меньше жертв, потому что ранее погибшие своими открытиями, своими ошибками уже проторили тебе часть дороги и сегодня помогают найти правильное решение. Ступеньки освоения нашей маленькой, а когда-то казавшейся такой огромной планеты, а теперь — и космоса.

И гибель «Св. Анны» не была напрасной, хотя ее капитан и не ставил перед экспедицией больших научных целей. Канув в белую неизвестность, «Св. Анна» невольно открыла два природных явления, а точнее, географических объекта, названных в честь ее «течением Анны» и «желобом Анны».

И к экспедиции на «Св. Анне» с полным основанием можно отнести горькие и полные величия строки выдающегося русского мореплавателя и ученого С. О. Макарова: «Все полярные экспедиции в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о

Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям».

Волей трагических обстоятельств «Св. Анна» попала в полярные области, доселе совершенно неизвестные человеку. В результате ее дрейф — от берегов Ямала по направлению к полюсу — в корне изменил представление о движении льдов в Полярном бассейне. Ее дрейф проходил как раз в тех широтах, где на картах красовалась предполагаемая «Земля Петермана», а чуть позже Альбанов со своими спутниками прошел, не обнаружив никаких признаков близкой земли, через другой красовавшийся на тогдашних картах архипелаг — «Землю Короля Оскара». Существование этих полярных архипелагов, правда, уже было поставлено под сомнение итальянской экспедицией герцога Аброцко и экспедицией Фиала, снаряженной на средства американского капиталиста Циглера, но вконец развеял эту легенду лишь ледовый поход Альбанова. Кроме того, метеорологические наблюдения, проводимые на «Св. Анне», дали некоторые сведения о климатическом режиме по всему ходу дрейфа, а промеры глубин — представление о характере рельефа морского дна северной части Карского моря.

Но все это оказалось бы напрасным, кануло бы в вечность. Подвиг В. И. Альбанова не только и не столько в том, что он, презрев смерть, смог вернуться на теплую землю, хотя это, несомненно, выдающийся подвиг. Его подвиг и в том, что он принес к людям вахтенный журнал «Св. Анны» и записи метеорологических наблюдений за все время ее дрейфа вплоть до дня его ухода с корабля. Это не только позволило полностью восстановить все обстоятельства дрейфа «Св. Анны». В 1924 году В. Ю. Визе, тщательно проанализировав все наблюдения, сделанные экипажем «Св. Анны», натолкнулся на любопытную особенность ее дрейфа в Карском море между 78-й и 80-й параллелями и между 72-м и 78-м меридианами. Здесь судно, дрейфовавшее в общем на север, отклонялось от направления ветра не вправо, как следовало из наблюдений Нансена, а влево.

В результате Визе пришел к выводу, что эта особенность может быть объяснена лишь тем, что в указанных координатах находится суша. Владимир Юльевич нанес на карту ее предположительное местонахождение. В 1930 году экспедиция на ледокольном пароходе «Г. Седов», в составе которой был и В. Ю. Визе, обнаружила предсказанную сушу. Она по справедливости была названа островом Визе.

Научное значение экспедиции Брусилова и в самом дневнике Альбанова. «Дневник Альбанова — редкий и ценный человеческий документ, — писал позднее участник экспедиции Г. Я. Седов Н. В. Пинегин. — В историю полярных исследований занесено несколько случаев гибели целых экспедиций с большим количеством людей. Мы не знаем почти ничего об обстоятельствах, вызывавших и сопровождавших такие полярные трагедии. Альбанов своим рассказом приоткрывает завесу над причинами одной из таких трагедий и вместе с тем дает право сделать несколько обобщений и в вопросе о подчинении воле человека суровой, но богатой полярной природы».

Снова и снова думаю о взаимоотношениях Альбанова и Брусилова. Ведь мы знаем все, что случилось между ними, лишь со слов одной стороны. Брусилов, канувший в неизвестность, ничего не может сказать ни в свою защиту, ни о том, почему он отказался покинуть «Св. Анну».

Несомненно, что Г. Л. Брусилов был человеком смелым, энергичным, решительным.

Но несомненно и другое. Он не всегда соизмерял свои силы с возможным, был вспыльчив, самолюбив. Да, он был очень смелым, но эта смелость, непродуманная, не подкрепленная опытом, при определенных обстоятельствах становилась пороком. Стараюсь быть беспристрастным, но, видимо, нельзя не согласиться с фактом, что он — начальник экспедиции и командир корабля, оказался, что в их положении самое страшное, психологически неподготовленным к тяжким испытаниям, которые преподнесла всем им судьба. При наличии на ко-

рабле более сильной индивидуальности, а такой, несомненно, был Альбанов, конфликт был неизбежен.

На первых порах все эти несовместимые с тяжелым полярным путешествием свойства характера не бросались в глаза, может, даже не замечались, но, обостренные тяжелой и продолжительной болезнью, приобрели галлюцинирующие формы. Твердость превратилась в упрямство, смелость — в безрассудство, предприимчивость и энергичность — в унижительную мелочность.

А болезнь Брусилова, судя по «Запискам...» Альбанова, была очень тяжелой: «Самую тяжелую форму цинги наблюдал я у Георгия Львовича, который был болен около 6 или 7 месяцев, причем три с половиной месяца лежал, как пласт, не имея силы даже повернуться с одного бока на другой. Повернуть его на другой бок было не так-то просто. Для этого приходилось становиться на кровать, широко расставив ноги, и, как «на козлах», поднимать и поворачивать за бедра, а другой в это время поворачивал ему плечи. При этом надо было подкладывать мягкие подушечки под все суставы, так как у больного появились уже пролежни.

Всякое неосторожное движение вызывало у Георгия Львовича боль, и он кричал и немилосердно ругался. Опускать его в ванну приходилось на простыне. О его виде в феврале 1913 года можно получить понятие, если представить себе скелет, обтянутый даже не кожей, а резиной, причем выделялся каждый сустав. Когда появилось солнце, пробовали открывать иллюминаторы в его каюте, но он чувствовал какое-то странное отвращение к дневному свету и требовал закрыть плотно окна и зажечь лампу. Ничем нельзя было отвлечь днем от сна; ничем нельзя было заинтересовать его и развлечь; он спал целый день, отказавшись от пищи. Приходилось, как ребенка, уговаривать скушать яйцо или бульону, грозя в противном случае не давать сладкого или не массировать ног, что ему очень нравилось. День он проводил во сне, а ночь большею частью в бреду. Бред этот был странный, трудно было заметить, когда он впадал в него. Сначала говорит, по-видимому, здраво, сознавая дей-

ствительность и в большинстве случаев весело, но вдруг начинал спрашивать и припоминать, сколько мы убили в третьем году китов и моржей в устье реки Енисея, сколько продали и поймали осетров там же. Или начнет спрашивать меня, дали ли лошадям сена и овса. «Что вы, Георгий Львович, какие у нас лошади? Никаких лошадей у нас нет, мы находимся в Карском море на «Св. Анне». «Ну вот, рассказывайте мне тоже. Как так нет у нас лошадей?..» Так проводил Георгий Львович ночи. Любил, чтобы у него все время горел огонь в печке, причем чтобы он видел его и видел, как подкладывают дрова. Это ему надо было не для тепла, так как у него в это время болезни было даже жарко и приходилось открывать иллюминаторы, но он любил смотреть на огонь. В конце марта он стал очень медленно поправляться...»

После болезни Георгий Львович стал раздражительным, мнительным и капризным, его решения стали входить в противоречие со здравым смыслом, порой он, видимо, понимал это, но ничего уже не мог с собой поделать, взрывался по любому поводу, вместо того чтобы спокойно и строго обдумать создавшееся положение или дать возможность другим принять самостоятельное решение.

Невольно вспоминается его спор с Альбановым по поводу шлюпки, которую он предлагает, впрочем, даже не предлагает, а пытается приказать Альбанову взять ее с собой в путь по торосистым льдам. Альбанов, хорошо знающий Север, кстати, потому и приглашенный Брусиловым штурманом экспедиции, уверен, что строить нужно легкие нарты и каяки по типу эскимосских, которые можно легко перетаскивать по тяжелым торосам от одного разводья к другому. Брусилов же, срываясь на крик, не вдумываясь в реальность предлагаемого, скорее всего только ради принципа, приказывает готовить тяжелую промысловую шлюпку, под которую, если ее брать в путь, нужно строить чуть ли не тракторные сани.

Или эпизод со снаряжением, которое Альбанов берет с собой в дорогу. Оно принадлежит Брусилову, как и все

на корабле, и Георгий Львович мелочно и скрупулезно несколько раз пересчитывает его, составляет подробный список и просит Альбанова потом непременно вернуть снаряжение, вплоть до каяков и нарт, построенных Альбановым, которые за дорогу, разумеется, развалятся. Валериан Иванович еле сдерживается, чтобы не взорваться: можно было подумать, что они отправляются не в тяжелый путь, который еще неизвестно чем кончится, а на легкую прогулку.

Я привожу в качестве иллюстрации отрывок все из тех же «Записок...», кажется, единственный, неосторожно характеризующий Брусилова, потому что до этого и позже Альбанов всячески старался избегать давать оценки поступкам командира. Этот отрывок ярко характеризует состояние этого в свое время добродушного, благородного и смелого человека:

«Уже поздно вечером Георгий Львович в третий раз позвал меня к себе в каюту и прочитал список предметов, которые мы брали с собой и которые, по возможности, мы должны были вернуть ему. Вот этот список, помещенный на копии Судовой Роли:

2 винтовки Ремингтон, 1 винтовка норвежская, 1 двуствольное дробовое ружье, центрального боя, 2 магазина шестизарядные, 1 механический лаг, из которого был сделан одометр, 2 гарпуна, 2 топора, 1 пила, 2 компаса, 14 пар лыж, 1 малица 1-го сорта, 12 малиц 2-го сорта, 1 совик, 1 хронометр, 1 секстан, 14 заспанных сумок, 1 бинокль малого размера.

Георгий Львович спросил меня, не забыл ли он что-нибудь записать. По правде сказать, при чтении этого списка я уже начинал чувствовать знакомое мне раздражение, и спазмы стали подступать к моему горлу. Меня удивила эта мелочность. Георгий Львович словно забыл, какой путь ожидает нас. Как будто у трапа будут стоять лошади, которые и отвезут рассчитавшуюся команду на ближайшую железнодорожную станцию или пристань. Неужели он забыл, что мы идем в тяжелый путь, по дрейфующему льду, к неведомой земле, при условиях худших, чем когда-либо кто-нибудь шел? Неужели в послед-

ний вечер у него не нашлось никакой заботы поважнее, чем забота о заспанных сумках, топорах, поломанном лаге, пиле и гарпунах? Мне казалось тогда, что другие заботы сделали его в последний день несколько вдумчивее, серьезнее... Я сдержал себя и напомнил Георгию Львовичу, что он забыл записать палатку, каяки, нарты, кружки, чашки и ведро оцинкованное. Палатка была записана сейчас же, а посуду было решено не записывать. «Про каяки и нарты я тоже не пишу, — сказал он, — по всей вероятности, они к концу пути будут сильно поломаны, да и доставка их со Шпицбергена будет стоить дороже, чем они сами стоили в то время. Но если бы вам удалось доставить их в Александровск, то сдайте их на хранение исправнику». Я согласился с ним.

Сильно возбужденный, ушел я из каюты командира вниз».

Альбанов, невольно дав оценку поведению Брусилова, старается быть до конца объективным и самокритичным, потому сразу же оговаривается:

«Сейчас, когда прошло уже много времени с тех пор, когда я спокойно могу оглянуться назад и беспристрастно анализировать наши отношения, мне представляется, что в то время мы оба были нервнобольными людьми. Неудачи с самого начала экспедиции, повальные болезни зимы 1912 — 1913 года, тяжелое настоящее положение и грозное неизвестное будущее с неизбежным голодом впереди — все это, конечно, создавало благоприятную почву для нервного заболевания. Из разных мелочей, неизбежных при долгом совместном жилье в тяжелых условиях, создалась мало-помалу уже крупная преграда между нами. Терпеливо разобрать эту преграду путем объяснений, выяснить и устранить недочеты нашей жизни у нас не хватало ни решимости, ни хладнокровия, и недовольство все накапливалось и накапливалось».

И в такой вот обстановке нервозности, непонимания и даже скрытой враждебности Альбанов уходит с судна. Все это мешало хотя бы более или менее хорошо подготовиться к походу, а и без этого многого из снаряжения и продовольствия не хватало. Да и поджимало время.

Давайте попытаемся представить Альбанова в последние дни на «Св. Анне».

Решение твердое, но все-таки не может не глотать сомнение: что ждет впереди? Сначала он решил уходить один. Это ведь только потом, видя его непреклонную решимость, к нему присоединятся другие.

Решиться уходить одному с еще не терпящего бедствие корабля, дрейфующего чуть ли не у самого Северного полюса! На такой шаг, несомненно, мог решиться или сумасшедший, или человек невероятнейшего мужества. Никто в истории освоения Арктики и Антарктики — ни до него, ни после — не собирался и не предпринимал подобное путешествие в одиночку.

Мало того, у него не было каких-нибудь мало-мальски годных карт района, по которому предстояло идти: «Мы тогда даже не были уверены в том месте, где мы находимся и где мы должны встретить землю. На судне у нас не было карты Земли Франца-Иосифа. Для нанесения своего дрейфа мы пользовались самодельной (географической) сеткой, на которую я нанес увеличенную карточку этой земли, приложенную к описанию путешествия Нансена. Про эту предварительную карточку сам Нансен говорит, что не придает ей серьезного значения, а помещает ее только для того, чтобы дать понятие об архипелаге Земли Франца-Иосифа. Мыс Флигеля на нашей карте находился на широте 82 градуса 12 минут. К северу от этого мыса у нас была нанесена большая Земля Петермана, а на северо-запад — Земля Короля Оскара. Каково же было наше недоумение, когда астрономические определения марта и первых чисел апреля давали наши места как раз на этих сушах и в то же время только бесконечные ледяные поля по-старому окружали нас».

На что же он все-таки надеялся?

Только на самого себя. Вы прочитали его «Записки...» — скорее всего взмахнул — что же будет дальше?

Прочтите их еще раз — не торопясь, вдумчиво. Проследите за его спокойными и, может быть, даже с первого взгляда холодными мыслями. Его ничто не

может заставить хоть на мгновение потерять самообладание. Его мужеству можно удивляться снова и снова. Откуда это — непоколебимое, что бы ни случилось, — спокойствие духа?

Его «Записки...» потрясают прежде всего простотой, чувством меры, которого порой не хватает и маститым литераторам, в них нет и тени трагического нагнетания. Но литературный талант талантом, он несомненен (вспомните его «тройку» по русскому языку), главное в другом — их мог написать только человек очень мужественный, и не просто мужественный, а даже не подзревающий в себе этого качества, точнее, считающий его само собой разумеющейся чертой каждого, берущего на себя право называться мужчиной.

Нельзя без содрогания читать строки из дневника Альбанова о смерти Нильсена. Они потрясают прежде всего опять-таки своей мужественной простотой:

«К этой могиле был подвезен Нильсен на нарте, и в ней его похоронили, наложив сверху холм из камней. Никто из нас не поплакал над этой одинокой, далекой могилой, мы как-то отупели, зачерствели. Смерть этого человека не очень поразила нас, как будто произошло самое обычное дело. Только как-то странно было: вот человек шел вместе с нами три месяца, терпел, выбивался из сил, и вот он ушел уже... ему больше никуда не надо... вся работа, все труды и лишения пошли насмарку. А нам еще надо добраться вон до того острова, до которого целых 12 миль. И казалось, что эти 12 миль такое большое расстояние, так труден путь до этого острова, что Нильсен просто не захотел идти дальше и выбрал более легкое. Но эти мысли только промелькнули как-то в голове; повторяю, что смерть нашего товарища не поразила нас. Конечно, это не было черствостью, бессердечием. Это было ненормальное отупение перед лицом смерти, которая у всех нас стояла за плечами. Как будто и враждебно поглядывали теперь мы на следующего «кандидата», на Шпаковского, мысленно гадая, «дойдет он или уйдет ранее». Один из спутников даже как бы со злости прикрикнул на него: «Ну, чего ты сидишь,

мокрая курица! За Нильсеном, что ли, захотел! Иди, ищи плавник, шевелись!» Когда Шпаковский покорно пошел, по временам запинаясь, то ему еще вдогонку закричал: «Запинайся ты у меня, запинаясь!» Это не было враждебностью к Шпаковскому, который никому ничего плохого не сделал. Не важен был теперь и плавник. Это было озлобление более здорового человека против болезни, забирающей товарища, призыв бороться со смертью до конца».

Тысячи и тысячи людей болели и гибли от страшной и до конца еще не разгаданной болезни полярных стран. У человека начинают опухать ноги, выпадать зубы, на него наваливается апатия, слабеет воля. И врачи зачастую бессильны были против нее.

Не избежал этой печальной участи и экипаж «Св. Анны», хотя на судне была доброкачественная витаминизированная пища и, казалось, не было никаких предпосылок к цинге.

Почти все переболели этой страшной болезнью. Среди нескольких, кого она обошла, был Альбанов, признаки болезни были и у него, но он перенес ее на ногах. Он объясняет это тем, что занимался самолечением, а самолечение его заключалось в одном: держать себя в руках, не поддаваться унынию, которое сопровождает обычно начальную стадию цинги, а потому — двигаться, двигаться, двигаться. Он был беспощаден к себе, он был беспощаден к другим — ради их же блага. Впрочем, что я говорю: какого блага — он надеялся довести их до земли, к родным — к жизни, а пока они были между жизнью и смертью:

«Цинготных у меня теперь двое: Губанов тоже заболел, и десны у него кровоточат и припухли.

Все лечение мое ограничивается тем, что посылаю их на лыжах искать дорогу, на разведку, даю на сон облатку хины, а Луняеву, кроме того, к чаю выдаю сушеной вишни или черники. Мне кажется, что цинга в этом начальном периоде выражается главным образом в нежелании больного двигаться. Не так страшна сама боль в ногах, как больной преувеличивает ее, не желая

лишний раз пошевелиться и тем невольно становясь союзником начинающейся болезни.

Не знаю, конечно, может быть, я ошибаюсь, но это мне так представляется, и этот способ лечения, т. е. не давать залеживаться, единственный, которым я могу пользоваться, если не считать хину. Мне не раз приходилось слышать, что русские колонисты на Крайнем Севере с заболевшим своим товарищем поступают так: когда он уже отказывается двигаться, хотя особенной слабости по виду еще незаметно, то его берут насильно под руки и водят взад-вперед до тех пор, пока «доктора» сами не выбьются из сил.

Может быть, это жестокий способ лечения, но не надо забывать, что я говорю только про начальный период болезни, когда человек еще не утратил физической силы, но у него ослабевает энергия, нет нравственной силы».

Человек безграничного мужества, Альбанов не уважает, нет, презирает людей, которые не могут, нет — не хотят бороться за свою жизнь. Он считает, он уверен в этом, что не существует безвыходных положений. И он не может понять своих спутников, которые мечтают лишь об одном: как бы при первом удобном случае поспать, увильнуть от работы. И в его дневнике появляются горькие строки: «Я не берусь объяснять психологию этих людей, но одно могу сказать по личному опыту: тяжело, очень тяжело, даже страшно очутиться с такими людьми в тяжелом положении. Хуже, чем одиноко, чувствуешь себя. Когда ты один, то ты свободен. Если хочешь жить, то борись за эту жизнь, пока имеешь силы и желание. Если никто и не поддержит тебя в трудную минуту, зато никто не будет тебя за руки хватать и тянуть ко дну тогда, когда ты еще можешь держаться на воде. Не следует упускать из виду, что в данном случае «хватают за руки» не потому, что сами не могут «плыть», а потому, что не желают, потому что легче «плыть», держась за другого, чем самому бороться».

Или еще: «Но чем ближе подходили мы к острову, тем невозможнее вели себя мои несчастные спутники, тем медленнее тащились, все время переругиваясь между

собой. Ничем не мог я побороть их всегдашней апатии. Безучастно относились они к будущему и предпочитали при первой возможности где-нибудь прилечь, уставившись в небо глазами, и я думаю, если бы не подгонять их, они были бы способны пролежать так целые сутки».

Отправляясь в трудный путь, Альбанов не выбирал себе спутников. С ним уходили все, кто желал, и он никому не мог отказать, каждый имел право на выбор, на жизнь, но когда путь стал особенно тяжелым, нашлись люди, которые были не прочь выжить за счет других, и Альбанов вынужден был стать жестоким: «Но если я кого-нибудь поймаю на месте преступления, то собственноручно застрелю негодяя, решившего воровать у своих товарищей, находящихся и без этого в тяжелом положении. Как ни горько, но должен сознаться, что есть у меня в партии три или четыре человека, с которыми мне ничего не хотелось бы иметь общего».

Другой раз он взрывается, когда утопили предпоследнюю винтовку: «Это разгильдяйство, нерасторопность возмутили меня. К стыду своему, должен признаться, что не смог сдержаться себя, и на этот раз кой-кому попало порядочно. Кто войдет в мое положение, тот не осудит меня. Это уже второе ружье, утопленное моими разгильдяями за время нашего пути по льду. Осталась только одна винтовка такая же... Остаться же в нашем положении без винтовки вряд ли захотел бы здравомыслящий человек».

Но был ли он на самом деле жестоким? Нет. Когда двое, почуяв землю, сбежали, забрав лучшее из одежды и продовольствия, забрав даже документы, уверенные, что оставшиеся непременно погибнут, все порывались сейчас же догнать их. Беглецы несомненно были бы убиты, но Альбанов остановил своих спутников. «Остановил не потому, что жалел ушедших, а потому, что погоня была бесполезна», — напишет он позже. Но все-таки это было не совсем так. Он не то чтобы жалел их — он не хотел расправы над ними, а сделать это прежде всего должен был он, если он человек слова. А может, и жалел. Потому что уже через день он заметил в бинокль бегле-

цов, маячивших впереди, но не сказал об этом своим спутникам. А когда беглецов все-таки случайно настигли, он простил их.

...Но все же — на что Альбанов надеялся? Да, мужество, и не просто мужество, а граничащее с невероятным. Но всему есть предел. Ну хорошо, дойдут они до Земли Франца-Иосифа, несмотря на свою никудышную карту! Ну если даже найдут базу Джексона! Но это ведь еще далеко не спасение! Видимо, он верит еще во что-то. Ведь мало верить только в базу Джексона.

Да, верит. «Перезимуем на мысе Флора, — успокаивает он своих несчастных спутников, — а там можно будет подумать о Шпицбергене или о Новой Земле».

Он не теряет веры в спасение даже тогда, когда они остаются только вдвоем с Конрадом и в самом бедственном положении: мокрые, без одежды, без продовольствия — вместе с Луняевым и Шпаковским пропала их последняя винтовка. «...По прибытии на мыс Флоры нам предстояло позаботиться об устройстве лука, стрел и различных капканов и силков. Мне приходилось читать в одном специальном официальном издании, что много лет тому назад партия русских промышленников, потерпевших крушение, высадилась на один из многочисленных островов архипелага Шпицберген, не имея никакого оружия. Эти робинзоны сравнительно благополучно прожили на острове в течение семи лет, добывая себе пропитание и одежду только охотой, для чего пользовались исключительно луками, стрелами и капканами. Впоследствии они были взяты с этого острова случайно попавшим туда судном. Этот случай заслуживает внимания».

Вот еще один пример взаимовыручки людей, связавших свою судьбу с суровым Севером. Русские поморы-мезенцы Инковы (в некоторых изданиях их фамилия искажена на Химковых), Шарапов и Веригин, мужественно встретившие беду в 1743 году, спасали и спасли не только свою жизнь. Своим мужественным примером они помогли полтора века спустя укрепить веру в спасение другому полярному мореходу, Валериану Ивановичу

Альбанову, который, несмотря ни на что, тоже верил в возвращение.

Он выжил совсем не потому, что физически был сильнее своих спутников или ему везло больше других. Да, несомненно, в очередности, с которой смерть одного за другим, а то и по нескольку сразу забирала его спутников, был и элемент случайности, но Альбанов выжил потому, что был сильнее их духовно, потому что хотел выжить, они робко мечтали об этом, а он хотел.

Человек! Все-таки странно и велико он устроен! Даже глупо — если подойти к этому вопросу с точки зрения обывательской, да почему обязательно обывательской — простой человеческой логики.

Шел человек много дней, недель и даже месяцев — два года! — к теплой земле, к жизни, не раз давал себе слово: «Ну, только бы выбраться! Только бы выбраться! Больше меня сюда не заманить никакими благами!»

Шел человек к жизни, к людям, ему это удалось — в числе двоих из двадцати четырех. Шел и мечтал о теплых морях: «Если я благополучно вернусь домой, поступлю на службу куда-нибудь на Черное или Каспийское море. Тепло там... В одной рубашке можно ходить и даже босиком».

Пришел — и вопреки всякой логике опять уходит работать на Север.

Ну разве это не глупо?! Ну скажите, зачем, зачем ему снова был нужен Север?! Ну что бы — уже после всего этого-то — не остановиться: поехал бы на южное море — после опубликования «Записок...» он стал известным, — дожил бы до внуков. Но ничто не могло его остановить: ни порка в детстве, ни отказ дяди в средствах на существование, когда он собирался поступать в мореходные классы, ни сам батюшка-Север, суровый и даже жестокий. Альбанов опять вернулся к нему. Уже в 1914 году он снова в Арктике — плавает на ледорезе «Канада». Вместе с ним — Конрад.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

И еще одно, что меня глубоко волнует. Любил ли он? Был ли любим? Была ли у него семья?

В книге Н. Северина и М. Чачко «Дальние горизонты» я вычитал такую романтическую версию: Е. А. Жданко отдает уходящему со «Св. Анны» Альбанову пакет с просьбой отправить его, когда Альбанов доберется до земли, самому дорогому ей человеку: адрес указан на внутреннем конверте. В Архангельске Альбанов разрывает внешний пакет и обнаруживает, что письмо адресовано ему.

Конечно, все это очень заманчиво для романтического литературного сюжета, но никакими документальными данными или воспоминаниями эта версия, мне кажется, не подкреплена, хотя и вполне вероятна: если кто на «Св. Анне» и был достоин любви этой нежной и мужественной девушки, то прежде всего, конечно, Альбанов.

Может быть, это и было так. Не знаю.

Знаю твердо только одно, что сестра милосердия Е. А. Жданко была едва ли не самым мужественным человеком на «Св. Анне», хотя и совершенно случайно оказалась на ее борту. Не прибыл врач, уходило время, экспедиция была на грани срыва, и она решила отправиться в эту в общем-то чуждую для нее дорогу.

Она, бесспорно, была едва ли не самым мужествен-

ным человеком на «Св. Anne». Когда на судне один за другим тяжело заболели неизвестной болезнью, становились беспомощными и даже капризными, как дети, доселе сильные и благородные мужчины, она мужественно, несмотря на собственное недомогание, выхаживала их одного за другим, заставляла верить в выздоровление, стесняться своей немощи и духовной слабости. Особенно много хлопот приносил ей не кто иной, как сам начальник экспедиции: «От капризов и раздражительности его страдала главным образом «наша барышня», Ерминия Александровна, неутомимая сиделка у кровати больного. Трудно ей приходилось в это время: Георгий Львович здоровый — обыкновенно изысканно вежливый, деликатный, будучи больным, становился грубым до крайности. Частенько в сиделку летели и чашки и тарелки, когда она слишком настойчиво уговаривала больного покушать бульона или каши. При этом слышалась такая отборная ругань, которую Георгий Львович только слышал, но вряд ли когда-нибудь употреблял, будучи здоровым. Но Ерминия Александровна все терпеливо переносила, и очень трудно ее было каждый раз уговорить идти отдохнуть, так как в противном случае она сама сляжет».

И добилаь своего: благодаря ей на судне не только никто не умер — все встали на ноги.

Несмотря на невзгоды и лишения, которые выпали на ее долю — а она была скорее всего самой молодой на судне, не считая, может, двух учеников мореходных классов, — в отличие от многих других членов экипажа она ни разу не пожалела о том, что связала свою судьбу с этой трагической экспедицией. Несомненно, она тяжело переживала разлад между Брусиловым и Альбановым.

«На судне остаются, кроме меня и Е. А. Жданко, оба гарпунера, боцман, ст. машинист, стюард, повар, 2 молодых матроса...» — занес Брусилов в «Выписку из судового журнала», которую Альбанов понес на теплую землю. Хотел Георгий Львович или случайно, но он подчеркнул этой записью свои особые отношения с Жданко.

Может быть, она любила все-таки его, а не Валериана Ивановича и потому осталась на судне, решительно отказавшись уходить с Альбановым. Может быть, только потому она и вообще отправилась в плавание: ведь она приехала провожать скорее всего именно Брусилова?

Или Георгий Львович имел в виду просто их далекое родство?

Не знаю.

Если же все-таки Ерминия Александровна любила Альбанова, то тогда ее подвиг еще выше. Это был по-настоящему святой человек на «Св. Анне». Если она все-таки любила Валериана Ивановича! И, несмотря на это, осталась, зная, что нужна здесь, на судне. Кто-то же, по ее мнению, сильный должен остаться на нем. Другой сильный — Валериан Иванович Альбанов — ушел, значит, должна остаться она.

После ухода Альбанова она, несомненно, оставалась на «Св. Анне» самым мужественным человеком. Правда, на судне оставался еще один сильный человек — добрый, отзывчивый, мужественный, но, к сожалению, не имеющий реальной власти. Это гарпунер Денисов. Как он старался примирить Брусилова и Альбанова! Как трогательно провожал уходящих в далекий и тяжелый путь: даже через несколько дней после их ухода три раза догонял с горячей пищей. Он неутомим и неутомим, он способен ежедневно делать на лыжах верст по пятьдесят-шестьдесят. Он бы и еще несколько раз принес уходящим горячей пищи, но боится потерять свои следы при передвижке льдов. В своих «Записках...» В. И. Альбанов неизменно вспоминает о нем с теплотой и отзывается как о самом деятельном и предприимчивом из всех оставшихся на судне.

Интересна его судьба, чем-то похожая на судьбу самого Альбанова: «Мальчишкой лет тринадцати удрал он из дома, откуда-то из Малороссии, не поладив с родными. Пробрался за границу в трюме парохода, много плавал на парусных и паровых заграничных судах и в конце концов попал на китобойные промыслы около

Южной Георгии. Здесь он окончательно сделался норвежцем китобоем-гарпунером, по временам наезжая в Норвегию. Там он женился на норвеженке и находил, что в Норвегии жить можно несколько не хуже, чем в России. Прослышав случайно, что Брусилов купил шхуну и собирается заняться китобойным промыслом на Востоке, он явился к нему, предлагая свои услуги, и поступил на службу на условиях гораздо худших, чем работал в Норвегии. Утешался он только тем, что наконец-то попал на русского китобоя. Несмотря на то, что Денисов устроился в Норвегии, как дома, Россию он любил страстно, и попасть на русского китобоя было всегда его заветною мечтою».

...Но если она любила Альбанова, почему же не сказала ему о своей любви даже в такую минуту, когда знала, что вряд ли больше увидит его? Ничего не сказала, а написала письмо, если верить версии Северина и Чачко, которое он должен был вскрыть по возвращении на землю. Обыграла все безобидным обманом — чтобы он ничего не заподозрил:

— Валериан Иванович. Это письмо моему близкому человеку. Его адрес во внутреннем конверте. А этот, внешний, на случай, если пакет попадет в воду. Когда доберетесь до ближайшей почты, разорвите его, а внутренний отправьте, пожалуйста, по указанному адресу.

Я долго ломал над этим голову, пока меня неожиданно не озарило: «Боже мой, до чего же все просто! Если бы она сказала, он бы не пошел к теплой земле, без нее бы не пошел, а она не могла пойти, потому что была нужна здесь — в белом безмолвии. Ведь она — сестра милосердия!»

Какое точное и красивое имя носила прежде эта профессия: сестра милосердия!..

Когда «Св. Фока» с Альбановым наконец приполз к Большой земле, две поисковые экспедиции на «Герте» и «Эклипсе» уже были в Северном Ледовитом океане. «Св. Анну» искали в Карском море. Альбанов, уже прочитавший письмо, если оно, конечно, было, при всем желании не мог попасть на них. Но было ли письмо и стремился

ли он попасть в состав спасательных экспедиций? Ведь его опыт им был нужен, как ничей иной, но, как известно, его не было в числе экипажей «Герты» и «Андромеды», посланных Главным гидрографическим управлением в 1915 году на поиски «Св. Анны».

Ерминия Александровна Жданко, разделившая до конца участь экспедиции на «Св. Анне»! Я стараюсь ее представить на уходящем в святую вечность корабле среди бесконечных льдов, холода, голода, среди двенадцати физически и душевно больных мужчин. Сырая, промозглая каюта, свет коптилки...

«При входе в помещение вы видите небольшое красноватое пятно вокруг маленького, слабого, дрожащего огонька, а к этому огоньку жмутся со своей работой какие-то силуэты. Лучше пусть останутся они «силуэтами», не рассматривайте их... Они очень грязны, сильно закоптели... Бедная «наша барышня», теперь, если вы покраснеете, то этого не будет видно под копотью, покрывающей ваше лицо!»

Но эти строки из «Записок...» Альбанова относятся к тому времени, когда он еще был на судне, когда все еще были увлечены работой, когда еще были дрова и продовольствие, когда еще не потухла надежда на спасение. А что было потом?

Об этом можно только догадываться. Эта мысль постоянно точила и Альбанова, и он писал в своих «Записках...»: «Как в белом одеянии, лежит и спит красавица «Св. Анна», убранная прихотливой рукой мороза и по самый планширь засыпанная снегом. Временами гирлянды инея срываются с такелажа и с тихим шуршанием, как цветы, осыпаются вниз на спящую. С высоты судно кажется гораздо уже и длиннее. Стройный, высокий, правильный рангоут его кажется еще выше, еще тоньше. Как светящиеся лучи, бежит далеко вниз заиндевевший стальной такелаж, словно освещая заснувшую «Св. Анну». Полтора года уже спокойно спит она на своем ледяном ложе. Суждено ли тебе и дальше спокойно проспать тяжелое время, чтобы в одно прекрасное утро, незаметно вместе с ложем твоим, на кото-

ром ты почила далеко в Карском море у берегов Ямала, очутиться где-нибудь между Шпицбергенем и Гренландией? Проснешься ли ты тогда, спокойно сойдешь со своего ложа, ковра-самолета, на родную тебе стихию — воду, расправишь широкие белые крылья свои и радостно полетишь по голубому морю на далекий теплый юг из царства смерти к жизни, где залечат твои раны, и все пережитое тобою на далеком севере будет казаться только тяжелым сном?

Или в холодную, бурную, полярную ночь, когда кругом завывает метель, когда не видно ни луны, ни звезд, ни северного сияния, ты внезапно будешь грубо пробуждена от своего сна ужасным треском, злобным визгом, шипением и содроганием твоего спокойного до сего времени ложа; с грохотом полетят вниз твои мачты, стеньги и реи, ломаясь сами и ломая все на палубе?

В предсмертных конвульсиях затрепещет твой корпус, затрещат, ломаясь, все суставы твои, и через некоторое время лишь кучи бесформенных обломков да лишний свежий ледяной холм укажут твою могилу. Вьюга будет петь над тобой погребальную песню и скоро запорошит свежим снегом место катастрофы. А у ближайших ропакон кучка людей в темноте будет в отчаянии спасать что можно из своего имущества, все еще хватаясь за жизнь, все еще не теряя надежды...»

В. Ю. Визе, впоследствии детально рассчитавший дрейф «Св. Анны», был уверен, что все произошло скорее всего именно так, как это описал В. И. Альбанов.

Но в то же время позади у «Св. Анны» уже был полуторагодовой тяжелый ледовый дрейф, и, по всему, ей и в будущем не грозило быть раздавленной. Да, часть переборок разобрали на топливо, но сам Альбанов отмечал, что хоть внутри и началось разрушение, но оно незначительно пока и не нарушило прочности корпуса. И не боязнь, что раздавит судно, а угроза реального голода заставила его уйти со «Св. Анны».

Известный полярный штурман В. И. Аккуратов был знаком с Конрадом. Суровый и замкнутый, Александр

Эдуардович наотрез отказывался рассказать о причинах разлада на «Св. Анне», но, когда Валентин Иванович задал вопрос о надежности корпуса судна, он сразу оживился:

— Корабль был хорош. Мы неоднократно попадали в сильные сжатия, однако нашу «Аннушку» как яйцо выпирало из ледяных валов. Нет, ее не могло раздавить. Только пожар мог ее уничтожить. А ушли мы, чтобы дать возможность просуществовать оставшимся до выхода на чистую воду.

По оценке Альбанова, оставшимся должно было хватить продовольствия примерно до октября 1915 года, в последнее время с охотой не везло, и, по его мнению, с приходом полярной ночи на нее рассчитывать совсем не приходилось. Но в то же время он сам пишет о свежих медвежьих следах около «Св. Анны» уже после ухода его с судна. Об этом рассказывали ему догнавшие их после пурги Денисов, Регальд и Мельбарт. Значит, все-таки у оставшихся была реальная возможность хотя бы в какой-то мере пополнить запасы продовольствия?

Итак, какова же дальнейшая судьба «Св. Анны» и оставшейся на ней части экипажа? Ведь по сей день нет никаких следов ее. А суровый Ледовитый океан рано или поздно возвращал почти все, что он забирал у людей, кроме самих людей, — и уже упомянутую «Жаннетту», и корабль Мак-Клюра, и «Латам» Амундсена...

Может, Г. Л. Брусилов с оставшимися членами экипажа тоже попытался добраться до суши по дрейфующим льдам? До той же Земли Франца-Иосифа? Или Шпицбергена?

Маловероятно. Во-первых, после ухода Альбанова шхуну все дальше и дальше уносило от реальной земли (если, конечно, вдруг не изменилось направление дрейфа). Во-вторых, на это уже трудно было решиться с оставшимися на корабле совсем уж ослабевшими людьми. Ну и третье, может, самое существенное обстоятельство, дающее основание отрицательно говорить об этой возможности, — святая вера Брусилова, что рано

или поздно льды Центрального полярного бассейна, всецело подчиняясь закономерностям общего дрейфа, вынесут «Св. Анну» в Гренландское море.

Но в то же время в «Выписке из судового журнала» Георгий Львович писал, что *«пробовал рузубедить их (Альбанова со спутниками. — М. Ч.), говоря, что летом, если не будет надежды освободиться, мы можем покинуть судно на ботах, указывая на пример «Жаннетты». А потом он даже подчеркнул: «Я еще раз говорю, что покинул бы судно поздно летом на шлюпках, когда убедился бы, что выбиться изо льда мы не можем»* (курсив в обоих случаях В. И. Альбанова).

А что, если на самом деле через несколько месяцев после ухода Альбанова, летом, они тоже отправились в ледовый поход? Тяжелые шлюпки пришлось бросить у первых же торосов (вспомним, что и Альбанова Брусилов убеждал взять шлюпку)...

Но допустим, что «Св. Анну» не раздавило льдами, что ее экипаж не отправился в безрассудный ледовый поход на шлюпках и что им хватило продовольствия до выхода на чистую воду.

Большинство исследователей вслед за Альбановым сходятся на том, что наиболее вероятная дата освобождения «Св. Анны» из льдов — лето 1915 года, а место — вблизи северных берегов Гренландии.

Куда же она тогда могла так бесследно исчезнуть?

Погибла у берегов Гренландии, где в это время года состояние льдов бывает крайне неблагоприятным для плавания?

В этих прибрежных областях так называемое Восточно-Гренландское течение разветвляется. Ветвь Восточно-Исландского течения приводит к северо-восточным берегам Исландии, потом она уходит на юго-восток. Ветвь Датского пролива продолжается вдоль восточных берегов Гренландии на юг.

Допустим, что «Св. Анна» попала во власть мощного Восточно-Исландского течения. Тогда бы ее (или ее обломки) должно было прибить к берегам Исландии.

Начиная с двадцатых годов в разных частях Карского моря, в том числе и тех, откуда начала дрейфовать «Св. Анна», на лед выбрасывалось множество буев. Большая часть их впоследствии была обнаружена как раз на северном побережье Исландии.

Но могла «Св. Анна» попасть и во власть Датского течения. Вместе с айсбергами и целыми ледовыми полями ее могло вынести через Датский пролив в чистые воды Атлантики...

Любопытную версию гибели «Св. Анны» выдвинули Д. Алексеев и П. Новокшонов (журнал «Вокруг света», 1978 г., № 8): «...многое говорит за то, что летом 1915 года «Св. Анна» могла оказаться на чистой воде в той части Атлантики, откуда в Норвегию, Англию или Россию надо плыть курсом юго-восток.

Судно вышло из дрейфа на чистую воду. Поднимаются паруса. Куда плыть? Заход в Исландию давал сутки-двое выигрыша во встрече с цивилизацией, но закономерно отодвигал встречу с Большой землей. Конечно, в Петербург. Через Северное море, мимо Фарерских и Оркнейских островов. Возможно, с заходом в Норвегию. Ведь на борту несколько норвежцев...

Потрепанная почти трехлетним пребыванием во льдах «Св. Анна» под парусами движется к Европе...

На мачте — русский флаг. Вахтенный докладывает:

— Георгий Львович, рыбина какая-то странная всплыла.

— Да это же подводная лодка! — безошибочно определяет Брусилов.

Шхуна изменяет курс. Но зачем на лодке торопливо разворачивают в их сторону орудие?..

Возможно, экипаж не успел даже спустить спасательные шлюпки. Да и остались ли они после зимовок с недостатком топлива?

С февраля 1915 года воды, омывающие Англию, объявлены Германией зоной морской блокады... Пресса тех месяцев пестрит сообщениями о погибших судах. Только со 2 по 9 июля потоплено девять пароходов и

одиннадцать рыбацких судов... Пожалуй, август принес самый мрачный «урожай» — погибло сто одно судно.

Война шла не на жизнь, а на смерть. Союзники отдали секретный приказ: пользуясь нейтральным флагом, уничтожать подлодки. Появились суда-ловушки. Эти суда имели наружный вид обычных торговых судов и замаскированные пушки.

Немцы в свою очередь, поломав все каноны морской призовой войны, зачастую не утруждали себя опознанием «национальности» судна. Альтернативным был лишь вопрос: расходовать ли торпеду, если есть подозрение, что судно несет артиллерийское вооружение или является судном-ловушкой, либо всплывать и разделываться с жертвой пушечным выстрелом или подрывным патроном? А «Св. Анна» даже не ведала, что в мире второй год идет кровопролитная война.

Находя версию Д. Алексеева и П. Новокшенова интересной и возможной, В. И. Аккуратов, комментируя их публикацию, отмечал: «Однако в этой версии есть одно слабое звено. К концу своего многолетнего дрейфа «Св. Анна» не имела ни достаточного запаса продовольствия, ни топлива, и, конечно, самым трезвым и реальным решением командира судна был бы заход в ближайший порт для пополнения всем необходимым и ремонта потрепанного корабля, ибо впереди лежал путь по бурным осенним морям. Ближе всего были Ян-Майен и Исландия. Но сюда «Св. Анна» не заходила».

Тем не менее целиком отказываться от этой версии нельзя.

Невозможно учесть все жертвы морской войны. «Наиболее достоверным могли быть рапорты командиров подводных лодок, — пишут Д. Алексеев и П. Новокшенов. — Но часть этих рапортов отправлена на дно вместе с лодками, часть же скрылась в секретных военно-морских архивах».

И авторы гипотезы попросили корреспондентов одной из советских газет, аккредитованных в ГДР и ФРГ, начать поиск документов.

А не может быть так, что «Св. Анна» до сих пор не выбралась из ледяного плена?

Да, существует общий западный дрейф к берегам Гренландии, но, может, существуют и какие-то своеобразные «карманы» около той же Земли Франца-Иосифа или Шпицбергена, где происходит задержка или круговое движение льдов в результате каких-то местных закономерностей? Или «Св. Анна» ушла так далеко к северу, что до поры до времени все еще где-то дрейфует в приполюсной части? Ведь находился — пятьдесят семь лет! — в ледовом плену корабль экспедиции Мак-Клюра, который в свою очередь искал пропавшую экспедицию Франклина! Только через пятьдесят семь лет он — благополучно! — вышел на чистую воду. Так, может, нас еще ждет встреча со «Св. Анной»?

Я вспомнил, что в письме к заведующей краеведческим музеем уфимской школы № 11 Е. И. Никуличевой, помогающей мне в поиске, В. И. Аккуратов писал, что в 1938 году около Земли Франца-Иосифа он якобы видел вмерзший во льды корабль, по очертаниям очень похожий на «Св. Анну», когда они с И. П. Мазуруком после высадки папанинцев на Северном полюсе были оставлены на острове Рудольфа для их страховки.

Я позвонил Валентину Ивановичу.

— Да, — подтвердил он. — Только не в тридцать восьмом, а в тридцать седьмом. Была низкая облачность в тот день, как помню. Поднимались мы на вездеходе по леднику вверх на купол. Взглянул я на море случайно, а там во льдах, милях в трех от берега, мимо бухты Теплиц-бай, парусное судно. Три мачты, реи оборваны. Видно, что оно давно во льдах! По всем очертаниям — «Святая Анна». Мы повернули назад, бросились к самолету, стали разогревать мотор. Но пока то да се — корабль закрыл туман, постепенно он наполз на берег. Туман разошелся только через две недели. Ветер угнал куда-то льды, море было чистым — не было и судна. Мы облетели кругом в радиусе ста километров, но безуспешно... Это, конечно, могла быть и другая шхуна, мало ли шхун, зверобойных, контрабандных, в двадца-

тые годы бросали около этого архипелага. Но очень уж она была похожа на «Святую Анну»!

— Валентин Иванович, а может быть так, что «Святая Анна» до сих пор где-нибудь дрейфует во льдах? — спросил я с волнением.

— Я уже задумывался над этим, — несколько помедлив, ответил он. — Дрейфующая станция СП-2 примерно в том же районе шесть лет крутилась на одном месте, американская полярная станция Т-2 — одиннадцать лет. А пример с судном Мак-Клюра? Это, по-моему, вполне вероятно, если в результате какой-нибудь подвижки (а может, им удалось несколько продвинуться на юг самостоятельно по образовавшимся после этих подвижек разводам) «Святая Анна» очутилась вблизи Земли Франца-Иосифа или Шпицбергена. В этих архипелагах столько небольших островов и проливов, что многие из них до сих пор совершенно не обследованы... Думать об этой версии заставляет и тот факт, что Ледовитый океан, как правило, выбрасывает на землю обломки своих жертв, но до сих пор нет ни одной находки, относящейся к «Святой Анне».

А не мог все-таки Брусилов тоже отправиться в ледовый поход, поняв однажды, что «Святой Анне» не предстоит близкое освобождение из льдов?

Если они все-таки ушли со временем на ботах, о возможности чего писал Брусилов в «Выписке из судового журнала», через несколько месяцев после Альбанова и если они все погибли в пути, то должны же где-то проявиться следы оставшейся во льдах «Св. Анны». Может, на самом деле нас еще ждет встреча с ней?..

«Св. Анна» канула в белую неизвестность вместе со святой Е. А. Жданко, как вечный памятник мужества, любви, женской жертвенности и гражданского долга, как канул в вечность «Геркулес» Русанова, на борту которого врачом была тоже юная и прекрасная, горячо любящая женщина.

Трагический 1912 год, когда неведомые нам явления, происходившие где-то в глубинах космоса, сдвигали

на нашей, тогда еще совсем малоизученной планете
полярные льды на теплую землю, ломали отважные
человеческие судьбы, мечты и надежды.

Время, когда над Арктикой витал, погибая и обретая
вечность, дух мужества и жертвенной любви.

ХРУПКАЯ НИТЬ ПОИСКА

Хрупкая нить поиска. Иногда я представляю человеческую судьбу в виде такой вот тончайшей стеклянной нити, которая от неосторожного прикосновения вдруг рассыпалась, и ее надо собрать — отдельные ее кусочки затерялись бог знает где, и их надо разыскать, ну если не все, то хотя бы как можно больше.

Горькая нить поиска. Но почему горькая, ведь были и счастливые находки? Да, были. Но больше все-таки было потерь, горечи, когда в очередной раз вдруг узнаешь, что человек, который был близок к В. И. Альбанову, который мог бы над многим приоткрыть тайну, который, оказывается, жил с тобой почти рядом и которого ты наконец после долгих поисков нашел, — уже ушел в мир иной, и самое горькое — совсем недавно. И каждый раз была досада на себя — что был нерасторопным в поиске, что вообще можно было им заняться лет на десять — хотя бы на пять! — раньше. А теперь то поколение уже ушло целиком...

После долгих поисков с волнением вскрывал я письмо из Астрахани от дочери А. Э. Конрада — Т. А. Колесник. Отыскать ее мне помогли сотрудники Астраханского областного адресного бюро. Тамара Александровна писала:

«Боюсь, что мало чем смогу Вам помочь. Про Вале-

риана Ивановича Альбанова я знаю только по рассказам отца, я родилась в 1923 году. По его словам, это был человек огромной силы воли, чуткий к своим друзьям, энергичный, смелый, с обостренным чувством справедливости. Папа говорил, что таких людей он больше не встречал в своей жизни, что равных ему нет и вряд ли будут.

Валериан Иванович бывал у нас дома, они с папой были очень большими друзьями. Папа родился в 1890 году в Риге; он хорошо знал немецкий и английский языки, страшно любил море. Он не представлял жизни без моря. Это прежде всего их, видимо, и сдружило, а потом и та ужасная дорога. Они потому и выжили, что сильнее других были духом. Папа плавал всю свою жизнь, более тридцати лет, в советское время — механиком на судах Совторгфлота. Он был очень уважаемый человек, и его портрет всегда был на доске Почета.

В 1940 году летом папа заболел плевритом и, проболев полтора месяца, умер. Хоронил его весь Совторгфлот. За два-три дня до смерти его к нам пришли из Музея Арктики и Антарктики и просили подробно рассказать об Альбанове, но папа уже не мог говорить и часто терял сознание. Тогда они попросили, чтобы мы отдали его вещи в музей. Мама отдала дневник, который папа вел, и все фотографии Альбанова, которые у нас были.

Когда я бываю в Ленинграде, то обязательно захожу в музей и вижу портрет Альбанова, а рядом — портрет папы, а под стеклом — его дневник.

Если будут какие-нибудь вопросы, пишите. Постараюсь ответить».

Я тут же, авиапочтой, среди других вопросов задал Тамаре Александровне не дающий мне покоя вопрос: «Была ли семья у Альбанова? Был ли женат во время той трагической экспедиции Александр Эдуардович?» Это было для меня очень важно. Это многое говорило об их характерах. Какими они уходили в ту жестокую дорогу?

Тамара Александровна ответила: «Альбанов был женат, но детей, насколько я знаю, у них не было. Отец женился в 1910-м, мой брат родился в октябре 1912 года (он погиб в 1942 году в Великую Отечественную войну, мама умерла в блокадном Ленинграде)».

Теперь становится еще более очевидной зыбкость версии Северина и Чачко. Впрочем, то, что Альбанов был женат, насколько не мешало Е. А. Жданко полюбить его. Если это все-таки так, тогда даже понятнее, почему она не сказала ему о своем чувстве, а только при прощании отдала письмо.

А Конрад! Можно представить, как он любил море, если уходил в такое плавание, ожидая своего первенца. Он увидел его, когда тому исполнилось уже два года...

Вскоре я получил письмо из Государственного архива Красноярского края:

«В документальных материалах архивного фонда Красноярского Совета имеется письмо губернского исполкома в военный отдел от 18 мая 1918 года следующего содержания: «Исполнительный комитет предлагает Вам предъявителю сего Альбанову В. И., моряку военного флота, для нужд Гидрографической экспедиции выдать паровой котел и машину во временное пользование».

Других сведений о полярном исследователе В. И. Альбанове не обнаружено. Обнаружены сведения о его сестре, Альбановой Варваре Ивановне, которая работала старшей воспитательницей в Доме матери и ребенка г. Красноярска».

Как много важных сведений в этом коротком с виду письме! Прежде всего становится известно, что в Красноярск он переехал не один, а забрал с собой по крайней мере и сестру, которая, очевидно, была моложе его. Будучи сиротой, она посвятила свою жизнь другим сиротам.

Жива ли она? Живы ли ее родственники? Что стало с женой В. И. Альбанова? К сожалению, письмо из Красноярского архива на эти вопросы не давало ответа. Нужно опять ждать.

К письму из архива была приписка: «Одновременно рекомендуем обратиться в Иркутск к Яцковскому Алексею Иосифовичу, который занимается изучением жизни и деятельности Альбанова».

А. И. Яцковский? Почему-то мне была знакома эта фамилия. Я долго ломал над этим голову, но так и не мог вспомнить. Возвращаясь в очередной раз с Камчатки, при посадке в Иркутске я пытался дозвониться до Алексея Иосифовича, но выяснилось, что он в отъезде, будет дома только глубокой осенью, и опять я думал: откуда мне так знакома эта фамилия? А потом, как это всегда бывает, неожиданно вспомнил: да ведь наши пути уже пересекались, ведь это он в свое время с группой альпинистов смог покорить на Камчатке до тех пор неприступную, забитую льдом вершину Кроноцкой сопки!

И я с нетерпением ждал письма от Алексея Иосифовича. Я был уверен, что он знает о В. И. Альбанове то, чего не знаю я. Но, увы! его ответ был неутешительным:

«Да, Варвара Ивановна Альбанова в течение пятидесяти лет безвыездно жила в Красноярске — жила очень скромно, даже чрезмерно скромно, довольствуясь мало-денежной работой по линии детских учреждений. Умерла в 1969 году. (Надо же — я был в Красноярске летом 1968 года! В промежутке между самолетами целые сутки бесцельно болтался по городу! — М. Ч.) Я видел дом, в одной из комнаток которого одиноко, не будучи замужем, она жила. Я видел кое-что из ее вещей, которые «расползлись» по соседским рукам. В частности, видел небольшой сундучок, который, как мне рассказывали сослуживцы Альбановой, был привезен еще из Петрограда около 1918 года, когда Валериан Иванович привез на Енисей свою мать и двух сестер. По рассказам, вторая сестра умерла в 1919 году от тифа, мать — в начале 30-х годов (имена неизвестны). Содержимое того сундучка — как хлам — выбросили или сожгли. Есть предположение, что среди бумаг, которые находились в заветном сундучке Варвары Ивановны,

было кое-что и весьма интересное, возможно, некоторые бумаги или даже дневники Валериана Ивановича. Впрочем, тут нужна оговорка: по рассказам сослуживицы Варвары Ивановны, которая с ней была особенно дружна, кто-то когда-то взял у Варвары Ивановны какие-то ценные бумаги, что-то пообещал — она не помнит, кто, что, когда, — но так и не выполнил своего обещания. Возможно, это был В. Визе или Н. Болотников...»

Вскоре я получил от Алексея Иосифовича еще одно письмо:

«Что касается обстоятельств смерти Альбанова, то это и сейчас остается загадкой. Думаю, что наиболее вероятно «смесь» сразу двух версий, сразу двух причин: уже будучи болен, погиб при крушении поезда, возвращаясь из служебной командировки из Омска в Красноярск. Как рассказывала уже упомянутая сослуживица Варвары Ивановны, Валериан Иванович будто бы даже поехал в эту командировку (вероятно, с отчетом о гидрографических изысканиях в низовьях Енисея), уже будучи больным. Причина та же — тиф... В общем туман пока не рассеялся. Ясно одно: погиб где-то под Ачинском в 1919 году.

Найти место, где похоронен В. И. Альбанов (если он был «нормально» похоронен, в чем с полным основанием можно сомневаться), — дело наверняка безнадежное. Зафиксирован ли каким-либо документом факт смерти Альбанова? Не знаю. Не исключено, что в каком-нибудь документе такого рода его фамилия могла быть обозначена, возможно, среди десятков прочих. Но пока что такая бумага не найдена. Вот что ответил на мой запрос краевед из Ачинска М. И. Павленко: «...в 1919 году на станции Ачинск-1 взрывы были, снимали с поездов и больных тифом, умерших или замерзших. Недалеко от станции на пустыре был устроен тифозный барак, а около него — яма, куда хоронили умерших или погибших при взрывах. Лет десять назад, при строительстве железнодорожной больницы, это «кладбище» было обнаружено. Старо-

жины подтвердили, что в эту яму хоронили собранные трупы погибших при взрывах и умерших от тифа. Я побывал в ЗАГСе. Книги похороненных за 1919 год не нашли...»

Значит, в свое время Валериан Иванович избрал местом своего постоянного жительства Красноярск. Но почему именно Красноярск, а не тот же, например, Архангельск? В Красноярск он перевез мать и сестер. А почему в Красноярске не сохранилось никаких сведений о его жене, если Т. А. Колесник ничего не напутала? Опять загадка.

Она стала еще загадочнее, когда я неожиданно получил письмо из далекой Хатанги от известного полярного гидрографа, кандидата географических наук В. А. Троицкого. Как раз по предложению Троицкого именем Альбанова был назван остров близ Диксона. Великодушно предлагая свою помощь в трудном поиске, Владимир Александрович, между прочим, писал:

«В конце шестидесятых годов мой сослуживец, старейший гидрограф Всеволод Иванович Воробьев, служивший еще в «Убеко-Сибири», рассказывал, что в 1922 — 1924 годах он был знаком в Красноярске с бывшей невестой Альбанова, по имени Клавдия, которая была подругой хорошей знакомой Воробьева Елеонской Надежды. Как он говорил, он помнит, где в Красноярске стоял домик Елеонской, где они с приятелем, ухаживавшим за Клавдией, часто виделись с этими подругами. Фамилии Клавдий он не помнит. Попробуйте сами написать Воробьеву (но спешите, Всеволоду Ивановичу уже за восемьдесят, здоровье плохое, хотя многое хорошо помнит). По сведениям Воробьева и с его рисунком расположения дома Елеонской я обращался к красноярским краоведам — с просьбой разыскать родственников или саму Елеонскую, а через нее узнать судьбу Клавдии, не осталось ли у нее каких бумаг Альбанова, так как, собираясь на ней жениться, он, конечно, мог хранить у нее свои бумаги. Но Елеонскую не нашли и ничего не узнали».

Я тут же написал в Ленинград В. И. Воробьеву.

Память его была просто поразительна. Рассказав несколько удивительнейших примеров из области северной топонимики, в частности драматическую историю происхождения названия бухты Марии Белки на острове Расторгуеве, он писал: «С «бывшей» невестой В. И. Альбанова (так представила мне ее Н. Г. Елеонская — а была ли она действительно невестой?) имел я короткий, примерно пятиминутный разговор в первых числах июля 1924 года, когда наши суда Енисейского гидрографического отряда «Убеко-Сибири» пришли в Красноярск для погрузки снаряжения, угля и пр., полученного на зиму нашей красноярской базой. Она проявила мало интереса к разговору, ей казалось как-то странно, что кто-то интересуется этой, ушедшей в далекое прошлое темой. С ее слов я узнал только, что Альбанов умер от сыпного тифа в поезде (санитарном?), шедшем на восток. Где он был похоронен? Ей было неизвестно».

Мнения, что Альбанов — по крайней мере с весны 1917 года и до отъезда в Красноярск — был одинок, придерживается и В. А. Троицкий:

«Из имеющихся у меня копий десяти неизвестных писем Валериана Ивановича издателю его «Записок...» Л. Л. Брейтфусу, датированных с марта 1917 по май 1918 года, совершенно точно следует, что этот период он «кочевал» или, по его выражению, «как бы гастролировал» между Архангельском, Петроградом и Ревелем, расставшись с Архангельском весной 1917 года. В Ревеле служил на портовых ледоколах, на разных частных квартирах (адреса указаны) проживал. Нет и намека на семейную жизнь или жену где-то, наоборот, веет неустроенной холостяцкой жизнью».

Неужели Тамара Александровна все-таки что-то напутала? Но если бы просто: «женат», «не женат», а не эта такая жизненная деталь — «но детей не было».

А может, и не напутала? Может, одно второму не противоречит? Действительно, был женат, когда уходил в экспедицию. Но экспедиция пропала без вести, детей не было, — может, она просто его не дождалась (да

простит меня тот человек, если я возвожу на него напраслину!)? И в Красноярске у него появилась новая невеста.

Что-то прочно связывало его с Красноярском. Почему в марте 1905 года он вдруг с Балтики уехал туда? Допустим, в Сибири легче было устроиться на службу. Но почему он уехал из Красноярска в Архангельск в 1909 году? (Его архангелогородские родственники якобы подарили музею гидрографического судна «Валериан Альбанов» нож Валериана Ивановича, но на мое письмо они не откликнулись.)

И почему он снова уехал в Красноярск весной 1918 года? Как считает В. А. Троицкий, причиной тому, вероятно, было вступление в Прибалтику немецких войск.

Старейший сибирский речной капитан К. А. Мецайк в свое время рассказывал писателю Г. И. Кублицкому, что в Красноярске Альбанов просился у него на службу на пароход «Север». Но В. А. Троицкий уточняет: «Из писем Альбанова к Брейтфусу, хранящихся у меня, следует, что на «Канаде» Альбанов служил только до весны 1917 года, а затем перебрался в Ревель на ледоколы Балтики, лежал в госпиталях Петрограда, все время следя за изданием книги и советуясь с Брейтфусом, как ее оформить. Книга вышла не накануне революции, как Вы и другие пишете, а в декабре 1917 года, а Альбанов получил ее в Ревеле уже в январе 1918 года. Ему лично послал ее Брейтфус. В переписке — просьба Альбанова к Брейтфусу: помочь устроиться после госпиталя на службу, и именно Брейтфус рекомендовал Альбанова в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана (начальник Б. А. Вилькицкий) — в ее речной филиал, снаряжавшийся в Красноярске. Вот выдержка из письма Альбанова Брейтфусу от 19 мая 1918 года: «...считаю необходимым уведомить Вас, что на службу я принят. В день приезда Константина Степановича [Юркевича] из Петрограда я явился к нему, и дело было окончено. Конечно, такой быстроте событий способствовали Вы,

за что я спешу Вам принести свою благодарность...» Константин Степанович Юркевич назначен был начальником речной части экспедиции, это известно из ее истории. Так что котел для судового катера парохода «Север» просил, уже будучи на службе в этой экспедиции...»

И тут мне пришлось пережить еще одну горечь безвозвратной потери. Мне позвонила Е. И. Никуличева из школы № 11:

— Мы получили из Воронежа письмо, что 23 февраля 1976 года в Новохоперске умер Михаил Иванович Альбанов 1881 года рождения.

— А еще какие-нибудь сведения? — с надеждой спросил я.

— Ничего. Мы уже два письма написали в Воронеж, в Новохоперск, может, кто остался из его родственников. Но ни ответа, ни привета.

Надо же, всего в 1976 году! И я проклинал себя, что в свое время не проявил настойчивости в воронежском поиске. Тогда я получил ответ, что в архиве документов о В. И. Альбанове и его отце не прослежено и что никакие Альбановы в настоящее время в Воронежской области не проживают, — и успокоился.

Сразу же после звонка Елены Ивановны я снова обратился за помощью в адресные бюро Новохоперска и Воронежа. Начальник Новохоперского районного отделения милиции Данилов сообщил адрес, по которому жил Михаил Иванович, но ни на мое письмо, ни на письма Елены Ивановны никто не ответил, а других Альбановых, по свидетельству Данилова, в городе нет.

Неужели родной брат? Тогда он, конечно, мог бы многое рассказать о брате. По крайней мере о родителях, о годах детства. 1881 года рождения. Неужели они были близнецы? Но близнецов, как правило, стараются не разлучать, почему же в Уфу поехал один Валериан?

Или на самом деле Валериан Иванович все-таки был 1882 года рождения, а год он прибавил себе после

побега от дяди, чтобы иметь возможность поступить в мореходные классы?..

И снова навязчиво встает вопрос: в чем же все-таки причина разлада между Брусиловым и Альбановым? Ведь это не просто загадка, которую любопытно бы разгадать, — в нем кроется сущность трагедии на «Св. Анне».

Как справедливо заметил в одном из писем ко мне А. И. Яцковский, «если говорить о судьбе «Св. Анны» и насчет истинных обстоятельств, при которых Альбанов и его спутники ушли со шхуны, то здесь нет важнейшего звена: *нет возможности выслушать и противоположную сторону!!!* К тому же, мне кажется, что содержание так называемого дневника Альбанова (опубликовано ведь, несомненно, с некоторой литературной обработкой порядочное время спустя после *изрядных раздумий о происшедшем*) — это не на сто процентов отражение действительных взглядов автора этих записок».

Я бы еще добавил: и тем более не на сто процентов отражение взглядов автора записок именно того времени, когда он уходил со шхуны. То, что «Записки...» перед публикацией и даже уже в корректуре подвергались дополнительной авторской обработке, подтверждает письмо Альбанова Брейтфусу из Архангельска от 10 июля 1917 года: «Если я еще не очень надоел Вам до сих пор, обращаюсь с покорнейшей просьбой. Если будете просматривать корректуру и будет у Вас для этого время, не откажите поправить и сгладить те места, которые очень резали бы глаза будущему читателю, или вычеркнуть. Уверяю Вас, я очень был бы признателен. С непривычки очень страшно увидеть в печати такое, за что потом придется краснеть. С Вами был откровенен, потому что знаю Вас...»

Может, в какой-то степени прояснил бы дело оригинал «Записок...», а еще больше — сам дневник, который велся непосредственно во время ледового перехода.

Где их искать?

— Мне представляется, — делился со мной своими раздумьями по этому поводу В. А. Троицкий, — что автограф рукописи «Записок...» Брейтфус увез в Берлин, он эмигрировал в июле 1918 года, о чем я видел в архиве приказ по Гидрографическому управлению — об исключении из списков управления бывшего заведующего гидрометеорологической частью в связи с уездом на французском судне из Мурманска. Это, конечно, он издал в 1925 году в Берлине в издательстве «Слово» «Записки...» Альбанова под названием «Между жизнью и смертью...»

Есть ли надежда найти сам дневник Валериана Ивановича, который он вел непосредственно во время ледового перехода? Маловероятно.

Почти нет никакой надежды — если он хранился у Варвары Ивановны в Красноярске.

В одном из писем В. А. Троицкий, как бы отвечая на вопрос, поставленный А. И. Яцковским: «Кто же забрал бумаги Альбанова у Варвары Ивановны в Красноярске?», писал в 1979 году:

«Редактор и автор комментариев книги «Подвиг штурмана Альбанова» журналист Н. Я. Болотников (умерший год назад) рассказывал мне, что в середине пятидесятых годов перед изданием «Подвига...» по его просьбе корреспондент ТАСС в Красноярске Ю. Ф. Бармин посетил Варвару Ивановну, спрашивая, нет ли у нее еще каких-либо бумаг или фотографий брата, но та неохотно и испуганно отвечала, что ничего нет, все отослано еще до войны В. Ю. Визе. Я пробовал писать Бармину в Красноярск, но ответа не получил...»

Значит, ни Болотников, ни Визе у Варвары Ивановны не были. Бармин ушел ни с чем. Если она еще до войны все отослала Визе, то почему так скудны сведения, опубликованные им об Альбанове в 1949 году в «Летописи Севера»?

Или у Варвары Ивановны был еще кто-то? Может, Конрад?

Кстати, где он жил и чем занимался сразу после смерти Альбанова? Вот что написал мне по этому поводу из Ленинграда полярный гидрограф С. В. Попов: «В 1919 — 1920 годах он служил в Байкальском отряде Сибирской военной флотилии. Был крутого нрава, в общем лихой матрос. Занимал должность коменданта отряда».

Так в чем же все-таки причина разлада?

Нет возможности выслушать противоположную сторону. Снова внимательно перечитываю «Выписку из судового журнала», сделанную Брусиловым: «Освобожден от должности...», «Готовится в путь...», «Строят каяки...» Нет, Георгий Львович старательно избегал оценки поступка Альбанова.

Может быть, причина разлада, как я уже делал предположение; — в принципах руководства? Во взглядах на будущее? Или все-таки, как гласит народная мудрость, «во всяком деле ищи женщину»? Может быть, это обстоятельство было не главным, но наложилось, обострило два первых?

Я снова прибегаю к помощи В. А. Троицкого: «В 1957 — 58 годах я был знаком с полярным капитаном А. В. Марышевым, ныне покойным, который до войны плавал на одном судне с Александром Конрадом. На вопрос Марышева, в чем причина размолвки Альбанова с Брусиловым, тот якобы после долгого молчания с присущей ему непосредственностью и прямоотой неохотно ответил: «Все из-за бабы получилось». Хорошо зная правдивость и честность Марышева, я не допускаю, чтобы он мог это придумать. Марышев так же говорил, что не вытянуть было из Конрада никаких подробностей».

Замкнутость Конрада отмечал и В. И. Аккуратов:

— Он неохотно вспоминал свою ледовую одиссею. Скупое, но тепло говорил об Альбанове. Наотрез отказывался сообщить что-либо о Брусилове, о его отношении к своему штурману. После моего осторожного вопроса, что связывало их командира с Ерминией Ждан-

ко, он долго молчал, а потом тихо сказал: «Мы все любили и боготворили нашего врача, но она никому не отдавала предпочтения. Это была сильная женщина, кумир всего экипажа. Она была настоящим другом, редкой доброты, ума и такта...» И, сжав руками словно инеем подернутые виски, резко добавил: «Прошу вас, ничего больше не спрашивайте!» Больше к этой теме мы не возвращались.

Согласитесь, что в этой попытке Конрада уйти от прямого ответа отчасти уже кроется положительный ответ: да, Георгий Львович был равнодушен к Ермине Александровне Жданко.

А вот что еще раньше писал мне А. И. Яцковский:

«В Красноярске живет вдова енисейского капитана К. А. Мецайка, Надежда Александровна (которую, кстати, когда-то видел Фритьоф Нансен, проезжавший через Енисейск, — видел в облике «прелестной дочери гостеприимной хозяйки»). Отрывочно вспоминая кое-что из давних встреч своего мужа с Альбановым — это относится к годам 1918 — 1919, в Красноярске, — она подтвердила, что Альбанов иногда говорил и насчет брусиловской экспедиции. Так вот, по словам Надежды Александровны, Альбанов считал, что одной из причин (возможно, главной) разлада в экспедиционном составе, недоразумений между руководителями экспедиции и даже трагического исхода, на который оказалась обреченной «Св. Анна», было участие женщины в этой экспедиции. Альбанов якобы был того мнения, что женщине не место на морском судне, тем более — в полярном плавании...»

Конечно, данное обстоятельство существенно усложняет возможность понимания личности В. И. Альбанова, его характера, его поступков и т. д. Но принимать сие во внимание, вероятно, следует. Ведь Альбанов был все-таки сыном своего времени».

Я совершенно с этим согласен. Если мы до конца хотим быть объективными, мы не должны упускать из внимания ни одно обстоятельство, ни одно «свидетельское» показание, хотя в свою очередь не каждое из них

можно считать объективным. Как, может, и последнее. Но принять во внимание необходимо каждое.

Как, например, и это, которое я привожу со слов А. И. Яцковского: «Я знаком с капитаном дальнего плавания (уже давно пенсионером) К. И. Козловским, живущим в Ленинграде. Козловский, в частности, встречался с Конрадом при совместном плавании по Северному морскому пути в 1939 году, когда перегонялись из Мурманска на Дальний Восток землечерпалки для дноуглубительных работ в устье Амура. Козловский был тогда на перегоне капитаном одной из землечерпалок, а Конрад устроился на этот рейс матросом. Капитан Козловский резко отрицательно относился к факту оставления штурманом Альбановым «Св. Анны», считает, что настоящий моряк не мог так поступить».

К тому же есть еще более категоричное мнение, выраженное И. Забелиным в книге «Встречи, которых не было». Он ставит вопрос даже так: а следовало ли предпоследнее издание «Записок...» Альбанова с предисловием Болотникова (последнее — «Затерянные во льдах». Уфа, 1977, предисловие и комментарии М. Чванова. — *Прим. ред.*) называть «Подвиг штурмана Альбанова»? По его мнению, Альбанов и Конрад «решили спастись самостоятельно», и еще: в группе «было лишь два здоровых человека — штурман Альбанов и матрос Конрад. Они объединились, предоставив больных своей судьбе. Только они вдвоем и спаслись».

Обвинение весьма серьезное, хотя И. Забелина сразу же можно упрекнуть в незнании или в невнимательном прочтении некоторых общеизвестных фактов экспедиции — и не со слов Альбанова, а как раз по свидетельству противоположной стороны, Брусилова, — из его «Выписки из судового журнала».

Но тем не менее такое обвинение существует, оно размножено миллионными тиражами. Более того, оно имеет под собой какую-то основу. Прежде всего опять же ту, что мы не можем выслушать противоположную сторону, а это дает возможность предъявлять Альбанову по сути дела любые обвинения.

Независимо от этих обвинений один мой знакомый после дотошного изучения «Записок...» Альбанова тоже попытался вселить в меня сомнение:

— Само собой напрашивается несколько вопросов. Ты вот пытаешься убедить, что он такой. А я вот снова перечитал его «Записки...», и очень противоречивое они у меня оставили чувство. Очень противоречивая и даже странная была эта личность. Ты не задумался над тем, почему погибла именно та часть дневника, которую он вел еще на шхуне?

Неожиданность такого вопроса сначала меня поставила в тупик, но, несколько подумав, я ответил:

— Во-первых, это могла быть случайность. Как помнишь, банку с дневниками-книжками он положил в каяк Луняева, а Луняев пропал вместе с каяком.

— А почему ту часть?

— А какую он еще мог положить? Не ту же тетрадь, которую он вел в настоящее время, которая в любую свободную минуту может понадобиться.

— Ну что ж, логично. Но может, та часть дневника его просто компрометировала?

— Ну тогда ее совсем не обязательно было топить. Просто не публиковать.

— А может, он так и сделал? Теперь еще: почему Конрад так упорно уходил от расспросов о причинах разлада? Да и руководство-то походом было какое-то... Его не назовешь руководством. Да вот я лучше процитирую самого Альбанова. Я тут сделал несколько выписок: «Опять начинаются жалобы на трудность пути с каяками, опять мечта о легкости перехода без них с котомками на плечах... Но кто же им мешает идти? Пусть идут, куда хотят, а я с одним или с двумя спутниками своего каяка не брошу, сколько раз я говорил им это».

— Но ведь они просто присоединились к нему, — перебил я его. — Ведь ты знаешь, что первоначально он собирался идти один. К тому же в такой критический момент каждый волен распоряжаться своей судьбой, и никто не имеет морального права приказывать другому.

— Пусть будет так. Слушай дальше. «Эта партия

собирается до вечера еще остаться на мысе Ниль и уверяет, что догонит меня. Советую им не терять времени напрасно, идти скорее, но, впрочем, это их дело. Мы сейчас отправляемся к мысу Гранта: ждать не могу».

— Но если они сами не хотят бороться за свою жизнь, почему это за них должен делать он? Они же постоянно задерживали его, и не просто путали его планы. В результате побега он вынужден был бросить один из каяков, а это в конце концов привело к гибели большинства. Эти цитаты, мне кажется, лишний раз свидетельствуют об искренности, честности Альбанова, как в оценках своих спутников, так и себя. Ведь он мог бы и приукрасить, подать себя в более выгодном свете, а он этого не сделал...

— Ну хорошо, хорошо. Но ты все-таки подумай об этом.

И я невольно стал думать. Невольно подтасовывались факты, невольно они приобретали другую окраску. Червь сомнения вселился в меня, пока однажды я не вздрогнул от неожиданной мысли: «Подожди, но ведь Нансен тоже ушел с «Фрама», и судно затем спокойно вышло на чистую воду, и перед Альбановым, хотя у него были совершенно иные обстоятельства и причины ухода с корабля, был его великий пример! «Настоящий моряк не мог покинуть затертого во льдах судна». Но такое обвинение в свое время пришлось выслушать и Нансену. Американский адмирал Грили, еще до начала экспедиции пророчивший Нансену неудачу, чуть ли не ликовал, когда от Нансена долго не было никаких вестей. Когда же Нансен благополучно вернулся, он обвинил его в том, что тот покинул товарищей на затертом льдами судне.

А вскоре я получил письмо от В. И. Аккуратова, он как бы почувствовал мое смятение: «Вы взяли за большое, трудное и благородное дело.

Альбанов — удивительная фигура среди арктических исследователей. По своим действиям он, несомненно, лидер всех русских полярных землепроходцев. К со-

жалению, наш народ о нем мало знает, а ведь Альбанов классический тип драмы, кино... Его внешнее и не раскрытое еще внутреннее обаяние могли бы сыграть огромную положительную роль в деле воспитания нашей молодежи».

В одном из писем В. А. Троицкий спрашивал меня: «Не попадалась ли Вам книжка, автор Р. Гузи, «В полярных льдах», издана в Ленинграде в 1928 году? Ее мне случайно назвал один одесский книголюб. Он видел ее где-то несколько лет назад и характеризовал как дневник участницы погибающей, затертой во льдах шхуны. Не могло быть так, что некий Р. Гузи мог опубликовать попавший к нему дневник Е. Жданко? Несомненно, ведь Жданко посылала почту с Альбановым, и он передал ее кому-то из родственников. Книга могла остаться незамеченной исследователями при множестве неповских изданий 20-х гг.».

Я тут же оформил заказ в Ленинград, и вот через две недели эта книжка у меня в руках: Р. Гузи. «В полярных льдах» («Вокруг света». Л., 1928). Странные книги издавались в двадцатые годы! Невероятное количество орфографических и пунктуационных ошибок, провалы букв. «Перевод В. Розеншильд-Паулина». С какого перевод? Если судить по названию книги на обороте титула «R. Couzu. Le Nord est pire» — с французского. А может, вообще не перевод, а умышленная мистификация?

Подзаголовок книги — «Дневник Ивонны Шарпантье». И снова куча вопросов. Что это на самом деле — дневник-документ? Или художественное произведение, имитация дневника? Ни предисловия, ни послесловия у этой странной книги нет.

Рассказ-дневник ведется от имени участницы полярной экспедиции на судне «Эльвира». Была ли такая экспедиция? Насколько я знаю, не было в начале нашего века полярной экспедиции на судне с таким названием.

Фамилии участников экспедиции скорее всего норвежские, исключая автора дневника, но при чтении

постоянно напрашивается невольная параллель с экспедицией на «Св. Анне». Судно ушло в Арктику также в 1912 году и тоже — в июле. Автор дневника — женщина-врач, и попала она на судно тоже только потому, что отказался ехать приглашенный начальником экспедиции врач. К тому же, несмотря на французскую фамилию, она из России, правда, с оговоркой, что мать ее была гувернанткой в семье богатой помещицы Сидоровой где-то в Приуралье или, как у автора, «в окрестностях Урала». Так же на судне разногласия между капитаном, которого зовут, правда, Торнквистом, и штурманом, которого зовут Бострем. И так же штурман с частью экипажа в апреле 1914 года уходит к Земле Франца-Иосифа, и так же на другой день трое из оставшихся с горячей пищей после пурги догоняют их, и так же происходит замена одного участника похода другим. А до этого весь экипаж судна тоже переболел цингой, и опаснее других — капитан. И еще множество подобных совпадений, которые сами так и лезут в глаза.

Как вы помните, В. А. Троицкий делал предположение: не принесенный ли это Альбановым со «Св. Анны» вместе с другой почтой дневник Е. А. Жданко или какая-нибудь литературная обработка его? Но события, описываемые в дневнике Ивонны Шарпантье, происходят уже после ухода штурмана со шхуны.

Так что, это дневник Е. А. Жданко, найденный кем-то потом во льдах и опубликованный с изменением фамилий? Или художественное произведение, кому-то во Франции навеянное изданным там переводом книги Альбанова? Или мистификация с переводом в самой России?

Давайте допустим, что это на самом деле дневник участницы на самом деле существовавшей полярной экспедиции. Какие же там события происходили после ухода с судна штурмана? И как этот уход объясняет судовой врач, автор дневника?

Запись первая, от 14 апреля, в 8 часов вечера: «Мы только что вернулись на шхуну, проводив Бострема, который хочет сделать попытку добраться вместе с

семью товарищами до Земли Франца-Иосифа или до Шпицбергена (здесь и далее курсив мой. — М. Ч.). Расставание было очень трогательным, и в этот торжественный момент были позабыты всякая неприязнь и соперничество. Не только у меня были слезы на глазах, но даже сам Торнквист, *несмотря на все, что произошло,* следил растроганным взглядом за исчезающей вдаль маленькой кучкой людей.

Бедняга Янсен (мой главный пациент, так же как и Торнквист) был особенно взволнован, и когда прощался со мной, то все его лицо искривилось, точно он хотел заплакать. Я сделала последнюю попытку отговорить его покинуть нас, но все было напрасно. Боюсь, что он не выдержит и недели. Возможно, что его спутникам придется бросить его на произвол судьбы. Он сознает это, но все-таки решил идти. «Иначе я с ума сойду», — говорит он. А ведь Бострем — человек решительный и прямо объявил, что берет с собой только сильных и здоровых людей. (Не могу сразу не оговориться, что Альбанов брал в ледовый путь всех желающих. Того же вернувшегося потом на «Св. Анну» старика Анисимова. Впрочем, конечно, он при всем желании не мог взять самых больных. — М. Ч.) «У кого же не хватит силы продолжать путь, то...» — и, не закончив своей фразы, он сделал выразительный жест рукой.

— Грубый человек этот штурман, — говорил мне не раз Торнквист. — Остерегайтесь его, держитесь от него подальше.

Грубый человек! Возможно. Но во всяком случае энергичный. И к чему все эти предупреждения, эта забота обо мне? Очевидно, это только ревность. Дело в том, что начиная с последней зимовки отношение Торнквиста ко мне совершенно изменилось. Мы уже не те добрые товарищи, какие были раньше. За последнее время в его глазах я нередко читала какое-то колебание, быть может, даже скрытое признание, всегда, впрочем, быстро подавляемое. Бострем также заметил это и советовал мне остерегаться Торнквиста, которого он считает бессовестным эгоистом и гордецом. Какая,

однако, это комедия в нашем положении! К сожалению, эта комедия грозит превратиться в драму. Чем-то все кончится».

Запись следующего дня: «Снежная буря. Невозможно выйти на палубу. Что-то подделывают теперь Бострем со своими спутниками среди ледяного поля? Сегодня утром капитан собрал всех оставшихся на корабле — вместе со мной тринадцать человек, стал говорить нам про создавшееся положение. Если лед будет продвигаться по направлению на запад, как это наблюдается вот уже в течение нескольких дней, мы будем двигаться приблизительно по тому же пути, как и «Фрам» в 1895—1896 годах, и через год или через полтора доберемся до открытого моря. Если же, наоборот, ледяное поле будет увлекать нас к северу, придется подумывать о том, чтобы в свою очередь покинуть «Эльвиру».

Покинуть корабль — предприятие, конечно совершенно неосуществимое. Впрочем, Торнквист знает это лучше чем кто-либо и прекрасно отдает себе отчет, что все, что он говорит, лишь одни пустые слова. Все наиболее сильные и здоровые люди уже отправились вместе с Бострем. У нас же остались полуинвалиды или, в лучшем случае, ослабевшие люди. Да и сам командир, по-видимому, не набрался еще сил после долгой своей болезни. Сегодня по возвращении на корабль, после проводов ушедших, с ним снова сделался продолжительный обморок. Цинга, которой он страдал той зимой, сильно потрясла его организм, да и сердце у него не совсем в порядке. К счастью, настроение у него еще сносное. Вечером, едва очнувшись от обморока, он стал дразнить меня и спрашивать, очень ли я жалею нашего милейшего штурмана, который мне так нравился.

Что это — шутки или он действительно ревнует меня? Во всяком случае надо сознаться, что Бострем вовремя покинул нас. Дай ему бог избежать той судьбы, которая нас ожидает».

Запись от 17 апреля: «В течение двух дней я находилась в самом подавленном настроении духа из-за сцены

ревности, которую устроил мне Торнквист, окончательно открывший свои карты. О, как я ненавижу этого человека! Отчего я не ушла с Бостремом, о чем он так умолял меня! Теперь, впрочем, поздно об этом жалеть. Но есть вещи, которые я никогда не перенесу».

Сцены ревности продолжаются, особенно тяжелой была та, которую устроил Торнквист Ивонне, когда нашел в пустой каюте Бострема ее прощальную записку.

Уходящий Бострем передает с догнавшими их после пурги с горячей пищей матросами письмо — и «я самым глупым образом покраснела». Она постоянно думает о нем. Целых двадцать три дня после ухода Бострема она не покидала корабль. «Я чувствую себя совершенно подавленной и разбитой нравственно и физически». «Вчера ночью, к рассвету, у меня была настоящая галлюцинация: в дверях каюты я увидела Бострема, вид у него был совершенно расстроенный, а в глазах его светилась бесконечная грусть».

Кончилось это все болезнью. За ней трогательно ухаживает Торнквист. «Станный он человек! — появляется в ее дневнике новая запись. — В нем много сердечной доброты, но он страшно скрытный. Сегодня, например, он прекрасно понял, что я думаю о Бостреме, но, ничего не спросив меня, поспешно вышел из каюты. Как я ценю эту деликатность, особенно после сцен, которые он мне устраивал. В сущности, я чувствую, что уважаю его».

Более десяти суток она была в бреду, и Торнквист по-прежнему трогательно ухаживал за ней. Потом заболел он. В бреду несколько раз повторял ее имя. «Что это? Неужели во мне просыпается чувство любви к Торнквисту?» — запишет она вскоре в своем дневнике.

Время от времени им везет с охотой, по крайней мере после ухода Бострема до 7 июня удалось убить десять тюленей и двух медведей. А 10 июня они убили сразу десять тюленей. «Еще две-три таких охоты, как сегодня, — сказал Торнквист, — и мы можем быть спокойны, что не умрем с голоду в следующую зиму».

13 июня нелепая гибель одного из матросов: в проруби перевернулся каяк. Затем еще одного задавил медведь. Но их не оставляет надежда выбраться на чистую воду. И Торнквист с частью экипажа уходит в разведку. Разведка показала, что нужно готовиться еще к одной зимовке.

Потом Торнквиста начинает беспокоить настроение моряков. Часть из них во главе с боцманом уверена, что Бострем успешно дошел до земли, нужно уходить, пока не поздно, и остальным, и после долгих споров трое уходят по дрейфующим льдам на юг, явно на смерть. У них ведь нет даже каяка.

Запись от 15 августа: «Сегодня мы достигли 85-го градуса и 45-й минуты северной широты и 53-го градуса восточной долготы, перейдя таким образом предел, достигнутый «Фрамом»... Из тех мест, где мы находимся, судно Нансена уносило к западу, тогда как мы продвигаемся, правда медленно, все более и более к северу»...

Пришел сентябрь. У Торнквиста глубокие обмороки сменяются сердечными припадками. То и дело торошение. Опасность, что шхуну раздавит. Сломало руль и винт. Без винта еще можно плыть — под парусами, если им все же удастся выйти на чистую воду, но без руля?

Начинаются ссоры. Гибель одного за другим.

16 января умер Торнквист. Остались втроем. Галлюцинации, бессонница и кошмары. 26 или 27 января с другой койки перестал отвечать на ее вопросы матрос Ольсен. Наконец, она осталась одна. По крайней мере в каюте, кроме нее, кажется, нет живых...

Запись от 13 февраля: «Уже давно приготовила я небольшой кожаный мешок, подбитый грубым холстом и снабженный пробками, в котором прежде были динамитные шашки для взрыва льда. Я решила вложить в него мой дневник и отнести куда-нибудь подальше на лед».

И последняя запись 26 февраля 1915 года: «Едва пишу... в глазах туман... Нужно кончать дневник. Положу его в сумку и брошу на лед».

В мае 1979 года я получил открытку от В. И. Аккуратова: «Кажется, я нашел младшую сестру Жданко. Встреча назначена на 20—25 сего месяца в Москве, то есть после моего прилета. О результатах сразу же сообщу».

С нетерпением я ждал новой весточки от Валентина Ивановича. Но он почему-то молчал. Тогда я не выдержал, в конце мая позвонил сам, но телефон не отвечал. Куда же он мог так надолго улететь? Да мало ли куда может улететь пенсионер! Через несколько дней я снова позвонил. К моей радости, в трубке послышался знакомый густой голос:

— Вы случайно меня застали. Я только что прилетел.

— А где вы были, Валентин Иванович?

— В Уренгое. А на днях снова улетаю в командировку, дней на двадцать — двадцать пять. Поэтому, чтобы не терять времени, запишите адрес и телефон сестры Жданко.

— Валентин Иванович, — растерянно и осторожно спросил я, — в какую командировку вы собираетесь?

— Как в какую? Я же работаю.

— Простите меня, Валентин Иванович, а в качестве кого вы работаете?

— Я же штурман, — как бы удивляясь моему невежеству, сказал он. — Летаю.

— Как летаете? — вырвалось у меня.

— Врачи признали меня годным «без ограничений». Вот я и снова летаю. Рядовым штурманом.

— И в Арктике?

— И в Арктике.

Я не нашелся, что сказать. Дело в том, что имя В. И. Аккуратова известно каждому, кто хоть немного интересовался Арктикой. Дело в том, что еще полгода назад в «Комсомолке» я читал статью Ярослава Голованова «Курс флаг-штурмана», посвященную его семидесятилетию. И в это было просто невозможно поверить, чтобы он, существовавший в сознании моего, да не только моего, поколения личностью не просто леген-

дарной, но уже и исторической, — он был еще из того славного — второго — поколения полярных летчиков, соратник Чкалова, Водопьянова, Черевичного, Алексеева, Мазурука, участник высадки лапанинцев на Северный полюс, — чтобы он до сих пор летал! Еще в 1936 году он прокладывал курс самолету Водопьянова по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — Москва. Чуть позже с Черевичным он первым достиг полюса недоступности. Двадцать два года уже после войны, которую прошел от начала до конца, он был флаг-штурманом Управления полярной авиации, двадцать четыре тысячи часов провел он в воздухе — почти три года. Мало кто в живых остался из того славного поколения. А он летает! В это очень трудно поверить. А он летает — поистине последний из тех полярных могикан!

Я тут же полетел в Москву. И вот я в старой квартире в Старо-конюшенном переулке. Напротив меня за старинным круглым столом — седая пожилая женщина. Невольно ищу в ней черты старшей сестры.

— А через полчаса придет племянник Георгия Львовича, — говорит Ирина Александровна. — Лев Борисович Доливо-Добровольский. С ним вам, наверное, тоже интересно встретиться... И Екатерина Константиновна Брусилова, мать Георгия Львовича, в этой квартире умерла, — добавила она после некоторого молчания.

— Как в этой?

— С 1932 года все мы оставшиеся Жданко и Брусиловы в одной квартире живем. Так уж рассудила судьба. Вот некоторые бумаги генерала Брусилова... Да-да, того самого, — видя мое удивление, добавила она, — Алексея Алексеевича, с именем которого связан знаменитый прорыв русских армий в 1915 году. Кстати, его сын убит белыми... А вот письма Георгия Львовича — со дня покупки шхуны в Англии до острова Вайгача. Мы их, как и письма Ерминии Александровны, обнаружили только месяц назад.

Я торопливо перечитал их. Они были полны опти-

мизма и веры в успех экспедиции. Даже можно было подумать, что он несколько легко, что ли, смотрел на ее будущее. Но скорее он просто не хотел тревожить мать.

— А вот альбом Екатерины Константиновны, — Ирина Александровна подала мне черный потертый альбом с металлической застежкой.

Я осторожно стал перелистывать его. В него аккуратно были вклеены газетные вырезки — сообщения, домыслы, догадки о без вести пропавшей экспедиции сына, о седовской экспедиции, русановской, об экспедициях, снаряженных на их поиски. Я представил, как несчастная, убитая горем женщина годами собирала эти крохи надежды.

— А вот письма Ерминии Александровны. Из них совершенно ясно, почему она оказалась в этой трагической экспедиции. А то тут смаковались всевозможные домыслы о не существовавшем на самом деле романе между ней и Георгием Львовичем, что они познакомились якобы еще в Порт-Артуре. Никогда не была она в Порт-Артуре. Вполне возможно, кончись добром экспедиция, может, и вышла бы она за него замуж, в письмах она отзывается о нем очень тепло, но познакомились они уже перед самой экспедицией. Вот читайте, а я пока чай приготовлю. Двадцать один год ей тогда был...

Она тихо вышла, а я с нетерпением погрузился в письма: «Дорогой мой папочка!.. Когда устроилась, позвонила и Боте. На мое счастье оказалось, что и Ксения здесь — случайно приехала на один день из Петрограда... Я у них просидела вечер, и предложили они мне одну экскурсию, которую мне ужасно хочется проделать, но только если ты не будешь недоволен. Дело вот в чем: Ксенин старший брат... купил пароход, шхуну, кажется. Она парусная, но на ней еще при чем-то паровая машина, я не совсем понимаю, но ты, наверное, сообразишь. Он устраивает экспедицию в Александровск и приглашает пассажиров (было даже объявление в газетах), так как довольно много кают. Займет это недели две-три, а от Александровска я бы вернулась по железной дороге. Тебе это сразу покажется очень дико,

но ты подумай, отчего бы в самом деле упускать такой случай, который, может быть, никогда больше не представится. Теперь лето, значит, холодно не будет, здоровье мое значительно лучше, и, право, будет только полезно немного поболтаться по океану, и ничего мне не сделается, если я вместо перепелок постреляю белых медведей. Сама цель экспедиции, кажется, поохотиться на моржей, на медведей и пр., а затем они попробуют пройти во Владивосток, но это меня уже, конечно, не касается. Ты поставь себя на мое место и скажи, неужели ты бы сам не проделал это с удовольствием?..»

— Ботя — это Борис Иосифович, наш родственник, — пояснила вернувшаяся с чаем Ирина Александровна. — А Ксения, как вы, наверное, уже догадались, — сестра Георгия Львовича.

Второе письмо уже было со штемпелем «Зверобойное судно „Св. Анна“»: «Дорогой мой папочка! Спешу написать тебе несколько слов, так как сегодня в 12 уходит «Св. Анна», и не знаю, когда мне удастся послать следующее письмо... Спасибо большое за письмо!.. Я в восторге от будущей поездки...»

— Значит, он разрешил ей?

— Конечно. У нас в семье взаимоотношения строились на основе взаимного понимания и уважения. Он ответил ей, что она уже взрослая, он не вправе запрещать ей, поступай, как считаешь нужным, но подумай хорошенько, по силам ли это тебе с твоим здоровьем...

...Провожали «Св. Анну» из Петербурга очень торжественно. Остававшиеся у Николаевского моста яхты и встречные суда поднимали приветственные сигналы. На одной из фешенебельных яхт был французский президент Пуанкаре. Когда «Св. Анна» проходила мимо яхты, та сбавила ход, на баке выстроилась команда, был поднят сигнал «Счастливого плавания!». «Как раньше называлось судно?» — спросил Пуанкаре. «Пандора», — ответил офицер из свиты. «Да, — задумчиво протянул президент, — богиня, которая неосторожно открыла сундучок с несчастьями...»

Еще одно письмо, уже из плавания, полное почти дет-

ского восторга и радости: «...в общем, мы все время проводим очень дружно и смеемся много. Я, кроме всего, еще развлекаюсь лазанием на мачту. Давно я себя не чувствовала такой здоровой. Многие говорят, что я на глазах поправилась... Возвращаться буду во всяком случае после двадцатого...»

И уже следующее письмо заставило душу немного похолодеть. В нем важна каждая строчка, поэтому я привожу его полностью:

«27 августа. Дорогие, милые мои папочка и мамочка!

Если бы знали, как мне больно было решиться на такую долгую разлуку с вами. Да вы и поймете, так как знаете, как мне тяжело было уезжать из дома даже на какой-нибудь месяц. Я только верю, что вы меня не осудите за то, что я поступаю так, как мне подсказывает совесть. Поверьте, ради любви к приключениям я бы не решилась вас огорчать. Объяснить вам мне будет довольно трудно, нужно быть здесь, чтобы понять. Начать рассказывать надо с Петербурга. Вы, должно быть, читали в «Новом времени», что кроме Юрия Львовича участвует в экспедиции и лейтенант Андреев. Этого Андреева я видела в Петербурге на «Св. Анне» и как-то сразу почувствовала недоверие и антипатию. Вышло по моему, и он действительно страшно подвел. Дело в том, что в последнюю минуту ему приспичило вдруг жениться, и он с этой целью после нашего отплытия из Петербурга уехал в Одессу, обещая присоединиться в Александровске. Этот Андреев, друг детства всех Брусиловых, и никому не могло прийти в голову, что он так подло подведет. Я, конечно, его семейных дел не знаю, но думаю, когда решаешься принять участие в таком серьезном деле, то можно предварительно подумать, в состоянии ты его исполнить или нет. С Андреевым должны были приехать в Александровск ученый Севастьянов и доктор. С доктором сговорились еще в Петербурге, но вдруг накануне отхода оказалось, что ему мама не позволила, а попросту, он струсил. Найти другого не было времени, и потому это было поручено тому же Андрееву. Сначала все шло благополучно, затем в Трандгейме сбе-

жал механик. Потеря была невелика, так как наши машинисты прекрасно справляются без него, но все-таки было неприятно. В Александровск мы пришли с порядочным опозданием, так как задержались в Копенгагене и Трандгейме, и теперь каждый день дорог, так как льды Карского моря проходимы только теперь. Конечно, Андрееву это было прекрасно известно, и он должен был давно дожидаться нас в Александровске. Вы не можете себе представить, какое тяжелое было впечатление, когда мы вошли в гавань и оказалось, что не только никто не ожидает нас, но даже известий никаких нет. Юрий Львович такой хороший человек, каких я редко встречала, но подводят его самым бессовестным образом, хотя со своей стороны он делает все, что может. Самое наше опоздание произошло из-за того самого дяди, который дал деньги на экспедицию. Несмотря на данное обещание, не мог их вовремя собрать, так что из-за этого одного чуть дело не погибло. Между тем, когда об экспедиции знает чуть ли не вся Россия, нельзя допустить, чтобы ничего не вышло. Довольно уж того, что экспедиция Седова, по всему вероятному, кончится печально. Здесь на местах мы узнали о ней мало утешительного. Пожалуйста, только никому не говорите о всех этих подробностях. Вообще, когда мы пришли в Александровск, положение было довольно печальное, а тут еще один из штурманов заболел не то острым ревматизмом, не то воспалением коленного сустава, он лежит, температура очень высокая, и доктор здешний говорит, что ехать ему нельзя. Трех матросов пришлось тоже отпустить. Аптечка у нас большая, но медицинской помощи, кроме матроса, который когда-то был ротным фельдшером, — никакой. Все это на меня произвело такое удручающее впечатление, что я решила сделать, что могу, и, вообще, чувствовала, что если я тоже сбегу, как и все, то никогда себе этого не прощу. Юрий Львович сначала, конечно, и слышать не хотел об этом, хотя, когда я приступила с решительным вопросом, могу я быть полезной или нет, сознался, что могу. Наконец согласился, что я телеграфирую домой. Вот и вся исто-

рия, и я лично чувствую, что поступила так, как должна была, а там — будь что будет. Будь я так слаба, как прежде, конечно, нечего было и думать, но я за это лето, в основном в последний месяц, так поправилась, что даже люди, которые видели меня каждый день, поражаются тем, как я стала хорошо выглядеть. Вообще, чувствую, что здоровье ко мне окончательно вернулось. Мне так хочется вам рассказать! Еще можно будет написать с острова Вайгача.

Сейчас выяснилось, что Севастьянов и доктор, может быть, успеют приехать, тогда, конечно, я не поеду, во всяком случае это письмо пошлю только тогда, когда это выяснится, и если вы его получите, то знайте, что я уехала, и ждите известий с Вайгача. Во Владивостоке будем в октябре или ноябре будущего года, но если будет хоть малейшая возможность, пошлю телеграмму где-нибудь с Камчатки. Леночка уверяет, что если я поеду, то и она тоже, но она такой большой ребенок, что не знаю, как и отнестись, и отговариваю ее, так как уверена, что она плохо соображает, на что идет. Об одном убедительно прошу вас: не забывайте без меня тетю Жанну, я бы даже хотела, чтобы вы ей посылали побольше, так как мне до возвращения деньги все равно не будут нужны. Вообще, распоряжайтесь ими без всяких церемоний...

Пока прощайте, мои милые, дорогие! Поцелуйте от меня крепко-крепко ребят и не огорчайтесь. Ведь я не виновата, что родилась с такими мальчишескими наклонностями и беспокойным характером. Правда?

Много-много раз всех вас целую и буду еще писать, а сейчас очень уж мне грустно растягивать прощание.

Простите вашу Миму».

Кончив читать, я долго не поднимал головы. Ирина Александровна тоже молчала. Письмо датировано 27 августа, думал я. Как известно, «Св. Анна» покинула Екатерининскую гавань 28 августа. Значит, ни Севастьянов, ни доктор к отходу судна не успели — а ждать больше было уже нельзя, вот-вот встанут льды, и так страшно запоздали, и она окончательно решилась...

Как это письмо отличается от предыдущих, несколько легковесных, что ли, — горькое и, может, даже не по ее годам мудрое. Она почти предвидела исход экспедиции, по крайней мере смотрела на ее будущее куда более реально, чем капитан. И надо же: уже тогда предсказать печальную участь экспедиции Седова!

Решилась на эту дорогу по существу больной. Правда, она постоянно оговаривается в своих письмах, что чувствует себя гораздо лучше, но, может, этим она просто хотела успокоить родных?

И еще одно горькое открытие: развал экспедиции, ее трагедия начались еще задолго до того, как «Св. Анна» отправилась в путь. Слишком запоздалый выход в море, отказ Андреева, Севастьянова, доктора... Потом вот еще что, может быть, самое главное: оказывается, Альбанов никогда не приглашался Брусиловым на роль старшего помощника, как пишут некоторые. Георгий Львович после «деликатного» бегства Андреева и болезни штурмана Баумана вынужден был возложить обязанности на Альбанова, несомненно отличного полярного штурмана, но человека малознакомого, к тому же другого круга, иначе говоря, с которым они до этого не ели кашу из общего котла.

— А почему в письмах Ерминия Александровна называет Георгия Львовича Юрием Львовичем? — наконец, словно очнувшись, спросил я.

— В семье между собой его с детства почему-то звали так. Ну вслед за родными, видимо, и Ерминия Александровна.

— В этом письме серьезный упрек в адрес дяди Георгия Львовича, Бориса Алексеевича.

— Пинегин был не совсем точен, когда называл его богатым московским землевладельцем. Дело в том, что богатство-то было у его жены. Вот договор, который заключили между собой Борис Алексеевич и Георгий Львович, в нем они обговаривали все условия будущей экспедиции: «Мы, нижеподписавшиеся, поверенный жены своей Анны Николаевны Брусиловой действительный статский советник Б. А. Брусилов с одной сто-

роны, с другой — лейтенант флота Г. Л. Брусилов, заключили настоящий договор...» Как видите, условия были для Георгия Львовича довольно жесткие. По окончании экспедиции он мог рассчитывать лишь на небольшой процент от зверобойного промысла. Судно, все остальное он должен был вернуть Анне Николаевне. Видимо, этим, чтобы заранее как-то покрыть часть расходов, и объяснялось его решение — взять до Александровска пассажиров.

— Буквально на днях я узнал еще об одной версии, что якобы перед самым отплытием произошли события, внешне чисто коммерческие, которые, может, и сыграли пусть не главную, но определенную роль в последующих трагических обстоятельствах. Якобы Борис Алексеевич сначала был только одним из акционеров созданной специально для этой экспедиции зверобойной компании. Но потом неожиданно предъявил условие: он целиком берет на себя финансирование экспедиции, все другие акционеры должны выйти из дела. По этой причине и вышел из состава экспедиции первый помощник и акционер лейтенант Андреев.

— Точно я не знаю, но, кажется, и это имело место...

— А кто такая Леночка?

— Это какая-то ее подруга. А вот последнее письмо. — Ирина Александровна осторожно передала мне сложенный вдвое лист:

«Дорогие мои милые папочка и мамочка!

Вот уже приближаемся к Вайгачу. Грустно думать мне, что вы до сих пор еще не могли получить моего письма из Александровска и, наверно, всячески осуждаете и браните вашу Миму, а я так и не узнаю, поняли, простили ли вы меня или нет. Первый раз в жизни я не послушалась папиного совета, но, право, будь вы здесь, на месте, то вошли бы в мое положение. Ведь вы же понимали меня, когда я хотела ехать на войну, а ведь тогда расстались бы тоже надолго, только риску было бы больше. Если бы только я могла получить весточку от вас, то, кажется, была бы вполне счастлива. Пока все идет у нас хорошо. Последний день в Александровске

был очень скверный, масса была неприятностей. Леночка ходила вся в слезах, так как расставалась с нами, я носилась по «городу», закупая всякую всячину на дорогу. К вечеру, когда нужно было сниматься, оказалось, что вся команда пьяна ...и вообще, такое было столпотворение, что Юрий Львович должен был отойти и встать на бочку, чтобы иметь возможность написать последние телеграммы. Было уже темно, когда мы проводили Леночку и Баумана (больного штурмана) на берег и наконец ушли в море. Леночка долго стояла на берегу, мы кричали «ура», она нам отвечала...

Больные у меня уже есть, но, к счастью, пока только приходится бинтовать пальцы, давать хину и пр. Затем я составила список всей имеющейся у нас провизии. Вообще, дело для меня находится, и я этому очень рада. Потом начну сама себя обшивать... Пока холод не дает себя чувствовать, во-первых, Юрий Львович снабжает меня усердно теплыми вещами, а кроме того, в каюте, благодаря нашему отоплению, очень тепло...

Так не хочется заканчивать это письмо. Между тем уже поздно. Так не хочется забыть что-нибудь сказать... Поцелуйте крепко-крепко от меня тетю Жанну и дядю Петю, передайте привет всей нашей малой публике. Куда-то мне придется вернуться? Наверное, уже не в Нахичевань. Об одном умоляю, если папа получит такое назначение, что Арабика нельзя будет везти, то не продавайте, а пошлите его Лене. Кстати, Лена просила передать папе, что если его щенок окажется неудачным, то она может ему прислать от своей собаки (пойнтера). Поцелуйте крепко Лукинишну... Просто не верится, что не увижу вас всех скоро опять.

Прощайте, мои дорогие, милые! Как я буду счастлива, когда вернусь к вам. Вы ведь знаете, что я не умею сказать так, как бы хотела, но очень-очень люблю вас и сама не понимаю, как хватило сил расстаться. Целую дорогих ребят.

Ваша Мима».

— Словно она предчувствовала, что больше никогда не вернется, — вздохнула Ирина Александровна, когда я

острожно положил письмо на стол. — А Арабик — фронтовой конь отца.

— Судя по этому письму, она тоже собиралась на войну.

— Выходит. Видимо, к отцу в Порт-Артур. Скорее всего она потому и окончила курсы сестер милосердия.

— Но в то время ей было всего 15—16 лет.

Ирина Александровна пожала плечами:

— Она была такая сорвиголова, что все может быть. Ни на какую другую войну она же не могла собираться.

— А сохранилось письмо, которое она передала с Альбановым, когда он уходил со «Святой Анны»?

— Он не принес оттуда никакого письма.

— Но может, оно просто затерялось?

— Нет, — покачала головой Ирина Александровна. — Насколько я знаю, никакого письма не было.

— А от Георгия Львовича матери?

— Кажется, тоже не было никакого письма. Конечно же, не было. Иначе и мы, и Брусиловы что-то бы да знали, что случилось на «Святой Анне».

— Странно, — растерянно сказал я. — Альбанов ведь сам писал, что они отправили с ним почту. И почта, и судовые документы вроде бы были в одной запаянной банке. Судовые документы сохранились, а писем нет... А как он объяснял, почему он не принес письма?

— К сожалению, я этого не знаю... А вот и Лев Борисович, — представила она острожно вошедшего пожилого мужчину.

— Нет, никаких писем он не принес, — подтвердил Лев Борисович. — Вот тут и загадка. Или они на самом деле погибли, или не в его интересах их было приносить. Может, они каким-то образом компрометировали его? Он, правда, почти сразу же по возвращении в Архангельск написал Екатерине Алексеевне, но никакого письма от Георгия Львовича не было.

— А сохранилось это письмо Альбанова?

— Сохранилось. Вот оно:

«Ваше Превосходительство! Я не мог раньше сообщить Вам интересующие Вас сведения по той причине, что не

знал Вашего адреса, и, узнав его сегодня от г-на вице-губернатора, спешу Вас успокоить, насколько могу. Когда я покинул шхуну на широте 83 градуса 17 минут и долготе 60 градусов восточной, то все оставшиеся на шхуне, то есть Георгий Львович, Ерминия Александровна Жданко и одиннадцать человек матросов, были здоровы, судно цело и невредимо и вмерзло в лед, с которым и продолжает дрейфовать на запад и северо-запад. Лед этот представляет собой очень большие поля, достигающие местами значительной толщины. Среди одного такого поля и стоит спокойно шхуна «Св. Анна», или вернее она стояла с осени 1912 года до самого моего ухода.

Может быть, «Св. Анна» освободится в этом году, но, по моему мнению, вероятнее, что это произойдет в будущем году, когда она пройдет меридиан Шпицбергена и будет приблизительно в том месте, где освободился ото льда «Фрам». Провизии у оставшихся еще довольно, и ее хватит до осени будущего года. Во всяком случае спешу уверить Вас, что мы покинули судно не потому, что его положение безнадежно. Когда я уходил с судна, Георгий Львович вручил мне пакет на имя начальника теперь Главного гидрографического управления. Я думаю, что в этом пакете подробно изложена история плавания и дрейфа шхуны «Св. Анна». Сегодня я отправляю пакет в Петроград начальнику Гидрографического управления и предполагаю, что Вы узнаете от него все подробности. 27 августа я выеду в Петроград, но где остановлюсь — пока еще не знаю.

С совершенным уважением готовый к услугам Валериан Иванович Альбанов.

22 августа 1914, Архангельск».

Странно, почему в этом письме Альбанов ничего не сообщает о судьбе писем. Если он их все-таки принес — он непременно написал бы. Если бы они по каким-нибудь причинам погибли в пути — тоже. Выходит, что они были в пакете на имя начальника Главного гидрографического управления? Но я только что читал письмо начальника Главного гидрографического управления

Михаила Ефимовича Жданко матери Георгия Львовича — Екатерине Константиновне. В нем тоже ни слова о письмах...

В чем же дело? Надо еще раз внимательно проследить судьбу почты по «Запискам...» Альбанова. Может, я что пропустил.

Может, ее все-таки потеряли беглецы?.. Нет: «...все украденное оказалось в целости, конечно, кроме сухарей, которые давно были съедены. Даже большая жестяная банка с документами и почтой оказалась нераспечатанной...» Она пропала вместе с Луняевым и Шпаковским? Тоже вроде бы нет: «На том каяке была наша единственная винтовка, все патроны и некоторые документы»... Все верно, на мыс Флора они приплыли с почтой: «Прежде всего надо подвести к поселку каяк, оставленный версты за две отсюда, вытащить его в безопасное место и взять в домик все остатки нашего снаряжения, которого, правда, осталось немного: компас, бинокль, хронометр, секстан, две книжки, паруса, топор, спички, да две или три банки, из которых одна была с почтой».

— А Альбанов был у Брусилова? — спросил я.

— Да, был, — Ирина Александровна осторожно положила письмо на край стола. — Даже несколько раз. У всех о нем сложилось впечатление как о порядочном и интеллигентном человеке. Конечно, какая-то настороженность к нему была: сам пришел, они остались... Он, как мог, старался успокоить, говорил, что у «Святой Анны» все шансы в скором времени выйти на чистую воду...

— Тут еще вот что, — добавил Лев Борисович. — Конрад настойчиво избегал встреч с Брусиловыми. Ему несколько раз писали, приглашали, но он под всяческими предлогами избегал встреч. Так ни разу и не пришел. И вообще, как известно, он упорно отмалчивался, когда его кто-нибудь расспрашивал об экспедиции.

— А Альбанов?

— Альбанов охотно и довольно подробно рассказы-

вал, но деликатно уходил в сторону, когда речь заходила о причинах конфликта. Говорил, что их и не было, все складывалось из несущественных мелочей, осложненных болезненной раздражительностью... Тут невольно складывается впечатление, не наказал ли Альбанов Конраду строго-настроено молчать, как бы тот нечаянно о чем не проговорился. Или не случилось бы каких разногласий в рассказах. Все-таки что-то случилось на шхуне. А что?.. — Лев Борисович развел руками. — В 1936 году мой дядя Сергей Львович (брат Георгия Львовича) — он жил тогда в Архангельске и преподавал в техникуме — взял и поехал сам к Конраду, который жил также в Архангельске, в Соломбале. Тот сначала немного растерялся. А потом, вспоминая, они выпили. Конрад пошел провожать Сергея Львовича, вызвался сам перевозить через рукав Двины там, что ли. Ну и вот, посредине с ним случилось что-то вроде алкогольного затмения. Ему вдруг померещилось, что на корме лодки сидит не Сергей Львович, а Георгий Львович. И он стал сбивчиво бубнить: «Георгий Львович, это не я стрелял, не я...» Но потом снова пришел в себя и замкнулся. О чем он говорил? Что имел в виду? Может, это каким-то образом относилось к конфликту?.. Сергей Львович какое-то время спустя снова поехал к нему в Соломбалу, но ему сказали, что Конрад уехал в деревню...

— Мне кажется, не стоит особенно-то принимать всерьез рассказа Сергея Львовича, — осторожно добавила Ирина Александровна. — Во-первых, он тоже был, мягко говоря, навеселе. А отчасти тут, может, сыграла родственная настороженность. Мало ли что мог иметь в виду Конрад! Да так ли именно он говорил. Неясного, конечно, много, но подозревать в чем-то Альбанова, мне кажется, нет никаких оснований. Да, тут какая-то загадка с письмами. Что же касается его конфликта с Георгием Львовичем, мне кажется, он довольно ясно и деликатно объяснил это в своих «Записках...». И наверно, ему неприятно было лишний раз вспоминать и тем более рассказывать о касающихся только их двоих или троих деталях. Что же до самого Георгия Львовича,

характер у него, по всему, был далеко не легкий. Даже если судить по его матери. Женщина она была замечательная, но характер у нее был совершенно неслыханный...

Невероятно уставший и немного подавленный от избытка впечатлений, я возвращался в гостиницу. Но черный червь сомнения больше не глодал меня. Более того, мне даже было немного стыдно за когда-то проявленную слабость. Да, писем он не принес. Но он мог бы соврать в своих «Записках...», что почту потеряли беглецы или что она погибла вместе с Луняевым, — поди проверь. В конце концов он мог бы вообще скрыть, что между ним и Брусиловым были какие-то стычки, да мало ли как можно было объяснить уход с судна... Мне было ясно главное: причина трагедии экспедиции в той простой и страшной вещи, которую мы теперь называем психологической несовместимостью. Она, словно раковая опухоль, медленно, но необратимо разрушала собранный по принципу случайности экипаж «Св. Анны».

Зачем далеко ходить. Возьмите пример последней арктической экспедиции — на лыжах к полюсу под руководством Д. И. Шпаро. Десять лет они притирались друг к другу, десять лет! И то случались стычки. Десять лет, в результате которых Шпаро мог сказать: «Мы относились друг к другу не просто хорошо, а нежно». А тут: люди и познакомились-то по существу уже во время экспедиции.

И наверное, даже незачем подозревать в чем-то Альбанова, нашедшего простой, безжалостный для себя и, вероятно, единственно возможный способ покончить с этой несовместимостью. Или, как об этом точно и жестко сказал в свое время В. И. Аккуратов: «Обреченность этого похода одиночки по страшному в своем коварстве льду океана они понимали оба. Это было приговором к смерти, но, ослепленные гневом, другого выхода они не видели». Нет ничего проще и безнравственнее объяснять, тем более судить поступки людей, полтора года находившихся в ледовом плену на грани

жизни и смерти, комнатной логикой, когда тебе ничто не угрожает.

Все дело в обыкновенной психологической несовместимости, осложненной болезнями и неведомым будущим. И, разматывая загадочный клубок этой несчастной экспедиции, может, даже незрительно пытаться до конца разгадывать мелочные детали этих ссор, все равно к главному мы ничего не добавим. Разумеется, Альбанову было неприятно вспоминать об этих горьких минутах, и, разумеется, задним числом он чувствовал себя виноватым — и казнил себя, и снова все перебирал в своей памяти, и снова казнил себя, даже, может, в том, в чем и не был виноват.

Что гадать — ведь о главном он честно и прямо, не оправдывая себя, сказал в своих «Записках...»:

«Что за причина была моей размолвки с Брусиловым? Сейчас, когда прошло уже много времени с тех пор, когда я спокойно могу оглянуться назад и беспристрастно анализировать наши отношения, мне представляется, что в то время мы оба были нервными людьми.

С болезненной раздражительностью мы не могли бороться никакими силами, внезапно у обоих появлялась сильная одышка, голос прерывался, спазмы подступали к горлу, и мы должны были прекращать наше объяснение, ничего не выяснив, а часто даже позабыв о самой причине, вызвавшей их. Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы после сентября 1913 года мы хоть раз поговорили с Георгием Львовичем как следует, хладнокровно, не торопясь скомкать объяснение и разойтись по своим углам. А между тем, я уверен теперь, объяснились мы хоть раз до конца, пусть это объяснение сначала было бы несколько шумным, пусть для этого нам пришлось бы закрыть двери, но в конце концов для нас обоих стало бы ясно, что нет у нас причин для ссоры, а если и были, то легко устранимые, и устранение этих причин должно было только служить ко всеобщему благополучию. Но, к сожалению, у нас такого решительного объяснения ни разу не состоялось, и мы расставались

хотя и по добровольному соглашению, но не друзьями».

...Не умалил ли подвиг Альбанова ледовый полуторатысчекилометровый переход к Северному полюсу на лыжах научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды» под руководством Д. И. Шпаро?

Нет, не умалил! Ни в коем случае. Люди под наблюдением медиков и психологов специально готовились к этому переходу, и, как я уже говорил, не просто готовились, а целых десять лет! А главное — они всегда знали, что к ним всегда придет помощь. А эти — никогда в жизни не собиравшиеся в подобный поход, с никудышным снаряжением, даже защитные очки из простого бутылочного стекла, с никудышным продовольствием, которое — на весь путь! — нужно было нести с собой. Больные, нетренированные, измученные двухгодичным неведением, без каких-либо карт. По себе, по своим скромным дорогам по местам, человеком еще мало обжитым, знаю: психологически те дороги самые тяжелые, когда не можешь надеяться ни на чью помощь.

Мало того, не будь ледового похода Альбанова, может, и не стало бы ледового перехода к полюсу Шпаро. Ничто так не поучительно, как горький опыт твоих предшественников.

Кстати, недавно я получил письмо от Д. И. Шпаро, в котором он писал, что «Затерянные во льдах» В. И. Альбанова он перечитал еще раз перед самым полюсным переходом.

...Но самое невероятное меня ждало впереди. Мне неожиданно позвонила Ирина Александровна.

— Знаете, — сказала она, — тут еще одно письмо есть. Его получил журнал «Вокруг света» как отклик на публикацию Алексева и Новокшенова. Его принес мне один из авторов, Дмитрий Анатольевич Алексеев. Это, кстати, сын известного полярного летчика Анатолия Дмитриевича Алексева. Я вам его прочитаю. Она медленно стала читать, и я вдруг почувствовал под сердцем легкую слабость:

«Уважаемый товарищ редактор! Пишу Вам вот по какому поводу: в номере восемь за 1978 год Вашего журнала есть статья «Как погибла «Св. Анна»?..». Речь в ней идет о моих родственниках. Мой дед, учитель Псковской мужской гимназии И. Ф. Жданко был в родстве с генералом Жданко. Степени родства я не знаю, но, кажется, Ерминия (правильно Ермина) Александровна приходится мне двоюродной теткой. Родственных связей между обеими семьями не было почти никаких — слишком велика была разница в общественном и имущественном положении, но одна из моих родных тетей, Александра Ивановна Жданко, была более или менее дружна с Ерминой.

О «Св. Анне» и ее участии в экспедиции мне слышать не приходилось, но вот вскоре после войны тетя Саша была в Риге у другой нашей дальней родственницы, уехавшей в Ригу в 1918 году, и та ей рассказала, что незадолго до войны, году в 1938 — 1939-м, в Ригу приезжала Ермина Брусилова не то с сыном, не то с дочерью, теперь уже не помнит, и что живет она где-то на юге Франции. Н. Молчанюк».

— Но это же невероятно! — смог выдохнуть я.

— Подождите, я прочту второе письмо, дополняющее это:

«Я увиделась с тетей Сашей после войны только в 1953 году. Она рассказывала о поездках в Ригу и вскользь упомянула, что Жигулевичи говорили, что за год-полтора до войны Ермина Брусилова приезжала в Ригу не то с дочерью, не то с сыном и что живет она теперь где-то на юге Франции. К большому моему теперешнему огорчению, я не поняла тогда всей сенсационности этого сообщения, да и сама тетя Саша не придавала этому большого значения: приезжала и приезжала, а почему бы и нет? Думаю, что ни о судьбе экспедиции (если и вообще знала о ней), ни о судьбе генерала Жданко после революции тетя Саша вообще ничего не знала. Но вот фамилия — Брусилова — у нее не вызвала удивления, видимо, о ее замужестве или возможном замужестве тетя Саша знала. На мой вопрос: «Как

Ермина Брусилова? Эта та самая Ермина?» — тетя Саша ответила: «Ну да, та самая».

— Если верить всему этому, получается, что «Святая Анна» все-таки вышла на чистую воду.

— Получается... Но в это очень трудно поверить.

— Если в 1915 году, как предсказывал Альбанов и как показывают расчеты, она освободилась ото льдов... Шла мировая война — домой они не могли вернуться. А потом революция, гражданская война... Но неужели за все эти годы Ерминия Александровна ни разу не поинтересовалась судьбой своих родственников?

— Не знаю. Тут что-то не так. В то же время тогда было, наверное, не просто узнать о судьбе родственников.

— Но в 1939 году в Риге неужели она бы не попыталась узнать у тех же Жигулевичей о судьбе родственников? И тут бы волей-неволей возник разговор об участии в полярной экспедиции. Потом, как-то же нашла она Жигулевичей, хотя они уехали в Ригу только в 1918 году, то есть уже после ухода Ерминии Александровны в экспедицию. А Брусилов, почему он не искал?

— Складывается впечатление, что Брусилов умер, может, даже еще на судне. А большинству, норвежцам, и незачем было рваться в Россию.

— Да, загадка...

— Была у нас, правда, еще одна Ерминия Александровна, дальняя родственница. Она жила в Югославии. Но она, по-моему, не могла быть знакома с нашими рижскими родственниками. Потом совершенно исключено, чтобы она стала Брусиловой...

Несколько дней я не мог прийти в себя от этой ошеломляющей версии. Действительно, что-то тут не так. Пусть так сложилась судьба, что она осталась во Франции, но неужели за все эти годы она ни разу не попыталась разыскать своих родственников? А если пыталась, но безуспешно?

Жила на юге Франции... Подожди, книга Р. Гузи «В полярных льдах» (дневник Ивонны Шарпантье) — перевод с французского... Неужели это все-таки какая-то

литературная обработка дневника Е. А. Жданко? Или она принципиально предпочла, чтобы ее имя осталось неизвестным читателю?

Но увы, эти вопросы пока так и остаются вопросами.

И снова вопрос: пусть война — но как мог оказаться совершенно незамеченным приход «Св. Анны» в один из западных портов?

И тут невольно вспоминается версия Алексеева и Новокшенова. Кстати, в скором времени после звонка Ирины Александровны я получил письмо от Д. А. Алексеева:

„Св. Анна“ могла быть остановлена любым немецким судном. «Св. Анна» была уничтожена, а Ерминию Александровну как женщину немцы могли подобрать. По законам военного времени Ерминия Александровна Жданко или весь экипаж шхуны мог быть интернирован до конца войны. Попытки Жданко найти контакт с родственниками в 1918 году могли не увенчаться успехом ввиду революции, гражданской войны и перемещения второй семьи генерала Жданко по России».

Каждая на первый взгляд малозначительная деталь может пролить неожиданный свет на тайну трагической экспедиции. Каждый на первый взгляд малозначительный факт может повергнуть в прах кажущуюся такойстройной и логичной версию дальнейшей судьбы «Св. Анны» и ее несчастного экипажа.

С таким чувством 18 августа 1979 года прочел я в газете «Труд» корреспонденцию С. Снегирева «Тайна Ледяной гавани» — об экспедиции, разыскивающей останки корабля Виллема Баренца. В ней походя сообщалось, что на Новой Земле обнаружен столб с надписью: «Св. Анна» 1914 год».

Это сообщение, если оно, конечно, достоверно (а категоричность его в солидном издании, отсутствие оговорок не давали оснований сомнениям), все переворачивало с ног на голову.

Выходит, «Св. Анна» каким-то образом добралась до Новой Земли или ее достиг ушедший в скором времени после Альбанова отряд Брусилова — перед полярной

зимой дрейфующие льды сковывало, и его путь был не так жесток, как поход Альбанова?

Но ведь летом 1914 года над Новой Землей летал Я. И. Нагурский! Впрочем, он мог их и не обнаружить, если по каким-нибудь трагическим обстоятельствам они так и не покинули Ледяной гавани, ведь он долетал лишь до мыса Литке. Или получилось так, что они пришли на Новую Землю, когда спасательная экспедиция уже свернула свои работы, например в конце сентября?

Нет, тут что-то не то. Слишком маловероятно, чтобы Брусилов в 1914 году с оставшимися на «Св. Анне» людьми смог дойти до Новой Земли. Это просто невозможно. Даже Альбанову был не под силу этот путь.

Раздираемый сомнениями, я написал Д. И. Шпаро: в новоземельской экспедиции Кравченко были студенты из московского Института стали и сплавов, в котором он работает, и он, конечно, уже в курсе дела.

Но первое письмо я получил от Д. А. Алексеева. Он, видимо, догадывался о моем состоянии: «Дело в том, что экспедиция Кравченко не нашла этот столб. Он был обнаружен еще в прошлом году то ли гидрологами, то ли еще кем. Эта неопределенность данных уже заставляет настороженно отнестись к находке, так как случаи фальсификации в подобного рода делах достаточно распространены и, к сожалению, коснулись и Арктики.

И еще одно обстоятельство, касающееся болезни экипажа во время дрейфа и смерти некоторых участников похода Альбанова. Этого вопроса еще никто не касался. Во время дрейфа на «Св. Анне», по-видимому, вспыхнула эпидемия трихинеллеза, вызванная потреблением непроваренного медвежьего мяса, зараженного личинками трихинелл. В результате заболевания развивается адинамия, то есть общая слабость, особенно же в икроножных суставах. Дело иногда кончается внезапными инфарктами, особенно если человек подвергается интенсивным нагрузкам. Эта болезнь стала причиной гибели членов экспедиции С. Андрэ к Северному полюсу на воздушном шаре в 1898 году. К этому выводу пришли только в пятидесятых годах нашего века. Я тщательно

консультировался со специалистами по этой болезни. Если Вы помните, как свидетельствует выписка из судового журнала и дневник Альбанова, всех удивлял характер этой болезни, явно не цинготный. Если учесть, какую долю занимало в рационе дрейфующей шхуны медвежье мясо, и сопоставить клинические признаки трихинеллеза с симптомами болезни, описанными Альбановым, поражает удивительное совпадение. Эта же болезнь, видимо, и поразила некоторых участников похода Альбанова и послужила причиной смерти по крайней мере двух из них. Согласно данным паразитологов, почти все белые медведи Арктики заражены трихинеллезом, и случаи заболевания этой болезнью наблюдаются и до сих пор, когда потребляют плохо проваренное мясо».

Я снова перелистал «Выписку из судового журнала лейтенанта Брусилова». Восьмого декабря 1914 года они убили первого медведя, и уже пятнадцатого, когда у них еще в достатке было витаминизированной пищи, заболел Брусилов, на другой день — Альбанов, девятнадцатого слег гарпунер Шленский...

Вскоре пришла открытка от Д. И. Шпаро: «Сообщение о столбе — вымысел. По-моему, Вы не должны тратить время на эту историю. Из опыта поисков Русанова у меня к подобным сообщениям определенный иммунитет...»

...Так что же все-таки случилось со «Св. Анной»?

Увы, на этот вопрос пока не будет ответа. Более того: чем глубже поиск, тем больше загадок... Но вероятнее всего, она погибла вместе со своим экипажем во льдах Северного Ледовитого океана.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

И в заключение мне хочется рассказать еще о некоторых интересных фактах, связанных с трагической экспедицией на «Св. Анне», а именно о первых в мире и, как ни странно, малоизвестных полетах на самолете в Арктике.

Вспомним: в 1912 году в Арктику ушли три русские экспедиции. Снаряжение их ни в коей мере не соответствовало тем большим задачам, которые эти экспедиции перед собой ставили. Все три экспедиции словно растворились в студеном тумане Северного Ледовитого океана. И только весной 1914 года организуются поиски, но складывается впечатление — крайне нерасторопно.

Впрочем, теперь легко говорить, что тогда нужно было делать и чего нельзя. Тогда же никому толком не было известно, где их искать: на пропавших судах не было радио, тогда еще не было настоящего ледокольного флота, и поиски велись вслепую.

А их еще можно было спасти. Еще наверняка кто-то был жив из экипажа «Геркулеса», еще не все палубные надстройки и каюты были сожжены на «Св. Фоке», еще шестеро из четырнадцати — а не двое — было в отряде Альбанова, еще не канула в неизвестность «Св. Анна». Но начальник экспедиции, уходящей на поиски «Св. Фоки», капитан первого ранга Ислямов долго не согла-

шается грузить на пароход купленный во Франции гидросамолет поручика Я. И. Нагурского, решившего совершить поисковые полеты в Арктике.

— Напрасная затея, поручик, только место занимает ваша игрушка. Там, в Арктике, на собаках-то трудно, а вы летать вздумали, чепуха все это...

Впрочем, сначала летчиков, пытавшихся подняться в небо Арктики, было трое, но один из них, Евсюков, уходящий на «Эклипсе» на поиски экспедиции Русанова и Брусилова, увидев Север, даже не стал собирать свою машину. Подполковник (по другим источникам — капитан) Александров, будучи участником Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, разбил свой «фарман» при первой же попытке подняться в воздух...

Откуда, как рождается в человеке эта властная тяга стремиться в никем еще не изведенное? Почему она дремлет в одних, как бы даже ни поощрялась, и почему так ярко и жертвенно вопреки всему вспыхивает в других? Ясно одно, что просыпается она еще в раннем детстве.

Любопытная параллель: так же, как и Валериан Альбанов, Ян Нагурский в детстве, властно влекомый этой тягой, пытался плыть в Америку — путь туда, по его мнению, лежал через ближайшее озеро. Так же он был выпорот и водворен в дом. Какое-то время эта страстная жажда, тоска по неизведанному, по неоткрытым землям может лишь теплиться в человеке, рискуем это сравнить с углями в потухающем костре, присыпанными золой и пеплом, — после прогимназии Ян Нагурский будет учительствовать в деревне, затем будет учиться в Одесском юнкерском пехотном училище, и не потому, что это его страстная мечта, просто обучение в военном училище бесплатное, а офицерское звание дает сравнительно приличное жалованье, и он сам, кажется, еще не подозревает, что эта детская жажда снова ярко вспыхнет в нем, как тот, совсем было потухший костер, в который снова подбросили дров.

Символично, что судьба Я. И. Нагурского тесно связана с судьбой великого русского летчика П. Н. Несте-

рова. Не предполагая, что случай сведет их вместе, пехотный подпоручик Нагурский служит в Хабаровске, а артиллерийский подпоручик Нестеров — во Владивостоке. Оба в один год уезжают с Дальнего Востока, каждый мечтает о небе. В аэроклубе в Петрограде Нагурский и Нестеров знакомятся. Нагурский уже допущен к полетам, Нестеров же пока вынужден заниматься теорией полета. Через год они вместе поступают в авиационный отдел офицерской воздухоплавательной школы.

Нагурский был одним из немногих, кто сразу понял всю глубину теоретического и практического новшества Нестерова — необходимости крена крыла при развороте. И вопреки устоявшимся канонам и циркулярам вслед за Нестеровым смело выполняет такие развороты и страстно пропагандирует их.

Осенью 1912 года Нестеров уезжает в Варшаву — он там будет продолжать обучение на звание военного летчика. Нагурский остается в Гатчинской военной школе. Прощаясь, оба не подозревают, что больше они — никогда! — не встретятся. Никогда, но на всю жизнь остаются в Нагурском свет этой большой дружбы.

В 1914 году под давлением общественности Морское министерство отпустило средства на организацию поисков экспедиций Седова, Русанова и Брусилова. В Дании и Норвегии закупаются суда «Герта» и «Эклипс». Командовать «Гертой» будет сам начальник спасательной экспедиции капитан первого ранга Ислямов, «Эклипсом» — известный норвежский полярный исследователь, капитан знаменитого нансеновского «Фрама» Отто Свердруп.

Нисколько не умаляя заслуг Я. И. Нагурского, надо вспомнить, наконец, и о том человеке, кому принадлежала сама мысль, идея — использовать для поисков пропавших в Арктике экспедиций самолет. К сожалению, пока трудно более или менее определенно сказать, кто это был, более того, история, кажется, не сохранила в памяти его имени, впопыхах не придав этому факту большого значения. Может, и сам этот человек не подо-

зревал, что у его мысли великое будущее. Может, это был Хансен, который однажды уже говорил о целесообразности применения в будущем самолетов в Арктике для ледовой разведки? Может, эти его мысли передал начальнику Главного гидрографического управления М. Е. Жданко Отто Свердруп? А может, это был сам Михаил Ефимович?..

Многие русские и иностранные летчики откликнулись на объявление Главного гидрографического управления. Но выбор пал на Нагурского. Немаловажную роль в этом, видимо, сыграло то, что он был еще морским инженером и служил в своем — морском — ведомстве. После личного знакомства с ним генерал-лейтенант Жданко решительно подписывает письмо в Главный морской штаб о назначении в экспедицию «военного летчика поручика Нагурского, приписанного к Морскому министерству и изъявившего желание принять участие в означенной экспедиции», хотя принять это важное решение было, видимо, не просто. Генерал-лейтенант Жданко, наверное, знал, что Нагурский открыто восхищался «выходками» своего друга юности военного летчика Нестерова и не только делал по-нестеровски виражи, но и повторил, как бы в пику заявлению, сделанному «Биржевым ведомостям» лицом, «занимающим высокий и ответственный пост в военном ведомстве», его мертвую петлю. А заявление это было таким: «В этом поступке больше акробатизма, чем здравого смысла. Мертвая петля Нестерова бессмысленна и нелогична. Нестеров был на волосок от смерти, и с этой стороны он заслуживает полного порицания и даже наказания. Рисковать жизнью для того, чтобы только поразить трюком, — бессмысленно... Мне лично кажется, что вполне справедливым будет, если командир авиационной роты, к которой принадлежит Нестеров, поблагодарив отважного летчика за обнаруженную им смелость во время полета, посадит его на 30 суток под арест».

На Нагурского же Жданко возложил выбор системы самолета. А выбрать было непросто. Никто никогда не

летал в Арктике. Видимо, это должен быть самолет, который может садиться на лед и на воду. Чтобы он был максимально грузоподъемным, обладал максимальной дальностью полета и в то же время был максимально прочен и компактен для перевозки на судне. У него обязательно должно быть воздушное охлаждение.

Нагурский докладывает о своих выводах Жданко, и тот, целиком доверившись молодому летчику, командирует его в Париж для закупки самолета, который он потом должен привезти в Христианию. Самолет по просьбе Нагурского красят в необычный для тогдашней авиации — красный — цвет. Чтобы, в случае вынужденной посадки, он был лучше виден на снегу. (И до сего дня с легкой руки Я. И. Нагурского самолеты полярной авиации несут на себе красный цвет.)

Вот тут-то, в Христиании, и произошел инцидент, о котором я уже упоминал: капитан Ислямов отказывается грузить самолет на судно. Может, вообще не стоило бы упоминать об этом в сущности малозначительном факте, если бы через семь лет в своих мемуарах, когда вроде бы уже не осталось никого в живых из свидетелей, по крайней мере самого Нагурского, капитан Ислямов напишет, что он, не в пример другим, с самого начала ратовал за использование самолета в поисках пропавших экспедиций и всячески помогал Нагурскому. А тогда Нагурский был вынужден обратиться к чиновнику Морского министерства, ведавшему снаряжением экспедиции, Л. Л. Брейтфусу (да-да, тому самому — несколькими годами позже издателю «Записок...» Альбанова), требуя погрузить самолет.

В начале июля Нагурский на «Эклипсе» приплывает в Александровск-на-Мурмане, откуда два года назад ушла в неизвестность «Св. Анна». На поиски ее и «Геркулеса» Русанова отправляется на «Эклипсе» Свердруп. Может, это было просьбой Нансена — то, что он уходил искать именно «Геркулес»; Нансен с глубоким уважением относился к его молодому капитану А. С. Кучину, в свое время он спас Кучина от ареста царской полицией и вопреки решению норвежского парламента — в состав

экспедиции могут входить только норвежцы — рекомендовал Амундсену взять его на «Фрам» для похода к Северному полюсу, но Амундсен неожиданно повернул к Южному, и Кучин блестяще зарекомендовал себя в этом походе.

На поиски Седова шла «Герта». В помощь ей зафрахтованы пароходы «Андромеда» и «Печора», на которую и грузят самолет Нагурского.

И вот «Печора» идет на север. Но она зафрахтована только до места последней известной зимовки Седова — Крестовой губы на Новой Земле. Здесь она встречает «Андромеду», ушедшую к Новой Земле чуть раньше. Та уже побывала у Панкратьевых островов. А дальше?

— Увы, — вздыхает капитан «Андромеды» Поспелов, — судно зафрахтовано только до Панкратьевых островов, и я не имею права идти севернее.

А Нагурский мечтает начать свои первые полеты в Арктике как можно севернее, а именно с Панкратьевых островов — на северо-запад. Он знает, куда надо лететь — к Земле Франца-Иосифа. Интуитивно он чувствует, что лететь нужно именно туда. Однако пароход «Печора» зафрахтован только до Крестовой губы, могла бы туда подбросить «Андромеда», но самолет не убирается на ее палубе, и, скрепя сердце, Нагурский начинает собирать его здесь.

Наконец 21 августа самолет собран, и сразу же — после бессонной ночи и двух пробных полетов — Нагурский с механиком, мотористом первой статьи из службы связи Черноморского флота, Е. В. Кузнецовым летит вдоль берегов Новой Земли на север. Неожиданно все вокруг затянуло туманом, вдобавок вышел из строя самолетный компас, хорошо, что в запас взят обыкновенный шлюпочный. К счастью, скоро туман рассеялся. Определившись по карте, Нагурский узнал под собой Горбовы острова. А вот остаются позади и Панкратьевы, мыс Литке... Но на исходе горючее. Надо возвращаться к Панкратьевым островам, куда должна подойти «Андромеда», и искать место посадки.

Но чистую воду нашли только у мыса Борисова,

правда, вдоль берега из воды торчат камни, но горячее на исходе, и легчик решается на посадку. При рулении к берегу поплавков наткнулся на камень и получил пробоину. На счастье, место мелкое, и, выпрыгнув из самолета, Кузнецов и Нагурский торопливо подтягивают его к берегу.

Ожидание парохода у дымных холодных костров из плавника. Совершен первый арктический полет — около 450 километров, — он продолжался 4 часа 20 минут. Нагурский смотрит в задумчивую игру огня и не подозревает, что всего в двухстах километрах от него на траверзе мыса Адмиралтейства тащится к жизни «Св. великомученик Фока» с седовцами и Альбановым.

Второй полет — на разведку льдов около Большого Заячьего острова — по просьбе капитана Пospelова: тот сразу понял, какую неоценимую услугу может оказать самолет в этом деле. Сегодня мороз покрепче, и, чтобы согреться, Кузнецов невольно притопывает по дну кабины. Вдруг под ногами — дыра, а в нее видны море, льды, надо же, не заметил, как проломил хрупкую фанеру. Уже по этому можно судить, каковы были тогдашние самолеты. Проливы между островами забиты льдом, и сегодня Нагурский решается садиться прямо на него.

— Как жалко, что гидроплан не поместился на «Герте». Летать надо над Землей Франца-Иосифа. За несколько дней всю бы ее облетели. Там их нужно искать, — скажет он капитану Пospelову, когда снова поднимется на борт «Андромеды».

В норвежской избушке на Большом Заячьем острове следов пребывания экспедиции Седова не обнаружено. Несколько подумав, Нагурский предлагает оставить здесь авиационный склад: он уверен, что его полеты в Арктике — не последние. И на видном издали знаке, еще седовцами сооруженном на острове Панкратьева, он оставляет записку: «В губе, находящейся на юго-западном берегу Заячьего острова, при устроенном складе оставляется одна металлическая бочка бензина (10 пудов) и бидон гирзоля (4 пуда). Назначение их авиационное. Кто сюда прилетит и окажется без горючего, может

воспользоваться этим запасом. Участвуя в экспедиции для поисков старшего лейтенанта Г. Я. Седова, прилетел сюда из Крестовой губы на гидроплане системы «Фарман». Военный летчик Нагурский». Он уверен, что это может случиться уже завтра, пока ему не дано знать, что следующий арктический полет будет совершен только десять лет спустя!

После этого полета слег Кузнецов — сказалось ледяное купание, когда они получили пробойну поплавка, а потом начался шторм — и они поднялись в воздух только через три дня. А потом неполадки в моторе — заводской брак. Мотор для ремонта пришлось перевезти на пароход. В томительном ожидании Нагурский делает записи в своем дневнике — они касаются будущего арктической авиации — и не подозревает, что сегодня, 26 августа, погиб в воздушном бою, совершив воздушный таран, П. Н. Нестеров...

В другой норвежской избушке на Большом Заячьем острове Нагурский вместе с моряками с «Андромеды» наконец находит склад и записку уже давно ушедшего в мир иной Г. Я. Седова о том, что на пути к полюсу он сделает остановку на Земле Франца-Иосифа, на мысе Флора, и Нагурский снова с горечью скажет капитану Поспелову:

— Эх, если бы «Печора» пошла вместе с «Гертой»! Или бы сейчас поплыть туда. Нужно искать не здесь, а на Земле Франца-Иосифа...

Маловероятно, что эти полеты смогли бы спасти «Св. Анну», но кто знает, может, какую-то роль в судьбе ее экипажа они бы и сыграли, долети он до нее. А это, хоть и сопряжено с огромным риском, было в его силах. Может, он решился бы кого-нибудь вывезти с обреченного на долгий ледовый плен судна? Ту же Ерминию Александровну. Все это очень маловероятно, но невольно думаешь о такой возможности. Эти полеты, может быть, смогли бы прояснить судьбу береговой партии отряда Альбанова. Но увы, пароходы зафрахтованы только до Новой Земли.

Кстати, 3 сентября к «Андромеде» подошла вернув-

шаяся от Земли Франца-Иосифа «Герта». Капитан Ислямов пригласил к себе Нагурского:

— Не ожидал, каюсь, не ожидал, примите мои поздравления.

И Нагурский получает новое задание — попытаться проникнуть как можно дальше на северо-запад от Панкратьевых островов, может, где там или в Русской гавани сейчас находится возвращающийся с Земли Франца-Иосифа «Св. Фока».

Полет, в который Нагурский отправился один, был чрезвычайно трудным: сильный снег забивал глаза, не видно ни стрелки компаса, ни даже своих рук... На траверзе Большого Заячьего острова встретились сплошные ледовые поля. Они дрейфовали к югу, грозя запереть до весны «Андромеду». На обратном пути Нагурский предупреждает об этом капитана Поспелова. Тот торопливо отводит «Андромеду» в Крестовую губу. За ней туда приходится лететь, к большому огорчению Нагурского, и авиаторам: корабли больше не могут обеспечивать полеты, на носу полярная зима.

А вскоре Нагурский получает приказ: разобрать самолет и возвращаться на Большую землю. Мир уже опутан войной, и его, опытного летчика, отзывают на фронт. Рушатся все его планы, связанные с Арктикой. Насколько дерзки они были, можно судить по интервью, которое он дал вскоре после возвращения из Арктики.

«Если бы мотор был сильнее, сил 90 — 100, можно было бы забрать с собой провизии на два месяца... Если бы еще к этому прибавить склады с бензином и маслом на Панкратьевых островах, на мысе Желания и Земле Франца-Иосифа, то можно было бы лететь к Северному полюсу».

А вот что он писал в рапорте на имя начальника Главного гидрографического управления: «После произведенных мною полетов у Новой Земли я отметил следующее, что может сослужить пользу для будущей авиации в арктических странах. В верхних слоях температура так же изменчива в отрицательную сторону, по сравнению с низкими слоями. Аэронавт Андрэ, который

совершил неудачное путешествие к полюсу, утверждал, что ближе к полюсу температура верхних слоев воздуха должна быть положительной по отношению с низшими слоями. Это предположение оказалось неверным. В Северном Ледовитом океане очень часты изменения направления ветров на небольших расстояниях. Пролетев расстояние в 220 верст, я встречал три-четыре направления ветров. Часты туманы и облачность.

Летать в арктических странах хотя и тяжело, но вполне возможно, и авиация в будущем может оказать гидрографии большие услуги в следующих случаях: при рекогносцировках льдов, в открытии новых земель, при нахождении и нанесении на карту подводных преград, препятствующих судоходству. С высоты хорошо видны все рифы, банки, отмели. Фотографии сверху могут дать точные данные для исправления и дополнения карт.

Прошлые экспедиции, стремящиеся пройти Северный полюс, все неудачны, ибо плохо учитывались силы и энергия человека с тысячеверстным расстоянием, которое нужно преодолеть, — полное преград и самых тяжелых условий.

Авиация как колоссально быстрый способ передвижения есть единственный способ для разрешения этой задачи».

Нагурский сам мечтает о полюсе.

— Основная база должна быть на Земле Франца-Иосифа, на острове Рудольфа, — с жаром доказывает он М. Е. Жданко. — Помимо всего прочего, к нему легче пробиться кораблям (вспомним, что именно отсюда в 1937 году стартовали самолеты, высадившие на полюс группу Папанина!). А потом можно и до Америки долететь.

— К сожалению, война, — покачал головой Жданко. — Вот приказ о назначении вас во второй Балтийский флотский экипаж.

И вскоре Нагурский уже на фронте. В сравнительно короткое время за боевые заслуги он награжден тремя орденами.

В перерыве между боевыми вылетами он приказыв-

вают пилотам собраться на летном поле и садится в самолет. И над изумленными однополчанами 17 сентября 1916 года впервые в мире делает мертвую петлю на гидросамолете.

Друзья бегут его поздравлять, но он останавливает их:

— Я только исполнил то, что давно доказано Нестеровым, и горжусь тем, что имел счастье лично знать этого замечательного летчика и чудесного человека.

Таким был первый в мире поднявшийся на самолете над Арктикой, первый из летчиков, дерзнувший оторваться от суши и уйти далеко в Полярный бассейн.

Я смотрю на карту Северного Ледовитого океана и думаю о несостоявшейся встрече Альбанова и Нагурского. О чем бы они говорили?

Их встреча так и не состоялась, хотя и сегодня они совсем рядом: на острове Гукера Земли Франца-Иосифа один из мысов носит имя Альбанова, а на острове Александры именем Нагурского назван поселок полярной станции. Впрочем, рядом и мыс Е. А. Жданко, и Конрада, и ледовый купол Брусилова. Все они там. Некогда ушедшие со «Св. Анны» на теплую землю, со временем снова вернулись в страну белого безмолвия, чтобы разделить с товарищами по славным подвигам и несчастьем вечность и память потомков.

Потом я смотрю в окно: прошел дождь, полдень, под желтыми кленами, вороша палые листья, задумчиво бредет мальчишка с ранцем за спиной. Кем он станет? И я снова невольно думаю о Валериане Ивановиче Альбанове, душа которого для меня по-прежнему осталась загадкой. Если кто-нибудь из вас знает о нем, о его спутниках больше, чем я, отзовитесь, пожалуйста! Я буду вам очень благодарен.

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба, оставшаяся загадкой	5
Неожиданная встреча	10
Белые паруса надежды	16
На юг, к теплой земле	28
Уфимский гимназист	34
Человек, помоги себе сам!	46
Сестра милосердия	64
Хрупкая нить поиска	77
Несостоявшаяся встреча	121

Чванов М. А.
Ч-33 Загадка штурмана Альбанова. — М.:
Мысль, 1981. — 132 с., ил.
25 к.

Книга посвящена одному из известных арктических исследователей, старшему штурману шхуны «Св. Анна» в экспедиции Г. Л. Брусилова — В. И. Альбанову, совершившему в 1912 году беспрецедентный по трудности пеший переход по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана к Земле Франца-Иосифа. В яркой увлекательной форме рассказано о героической и во многом таинственной судьбе этого замечательного человека.

Ч 20901-040 — 152-81
004(01)-81

ББК 26.8г
91(09)

Михаил Андреевич Чванов

**ЗАГАДКА
ШТУРМАНА
АЛЬБАНОВА**

Заведующий редакцией *О. Д. Катагощин*

Редактор *Г. Е. Матвеева*

Редактор карт *Е. А. Шемякина*

Младший редактор *Л. И. Васильева*

Оформление художника *И. Д. Шаховского*

Художественный редактор *А. И. Ольденбургер*

Технический редактор *Л. П. Гришина*

Корректор *З. Н. Смирнова*

ИБ № 1662

Сдано в набор 18.09.80. Подписано в печать 23.01.81. А02516. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура таймс. Усл. печатных листов 5,48. Учетно-издательских листов 6,5. 1160 тыс. усл. кр-отт. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2346. Цена 25 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, пр. Ленина, 5.

25 к.